

ЛИЛИЯ ТИМОЛАЕВА

СПИСАННАЯ
НЕВЕСТА
ДРАКОНА

Сыроварня у Проклятых скал

Лилия Тимолаева

**Списанная невеста дракона.
Сыроварня у Проклятых скал**

«Литнет»

2026

Тимолаева Л.

Списанная невеста дракона. Сыроварня у Проклятых скал /
Л. Тимолаева — «Литнет», 2026

Меня бросили у всех на глазах. Дракон разорвал помолвку, его новая избранница улыбалась слишком сладко, а Совет уже решил мою судьбу: немного золота, закрытая карета — и тихое исчезновение туда, где о списанной невесте быстро забудут. Только я не собиралась исчезать. Вместо жалости я потребовала Белый Камень — заброшенную сыроварню у Проклятых скал, место с долгами, холодными стенами и дурной славой. Все решили, что я сама выбрала себе наказание. Пусть. Я подниму это хозяйство. Найду тех, кто его разорял. Заставлю север признать моё имя. А если дракон, который однажды отказался от меня, захочет снова приблизиться — ему придётся понять главное. Я больше не та невеста, которую можно списать. Я хозяйка Белого Камня.

© Тимолаева Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Списанная невеста	5
Глава 2. Белый Камень	16
Глава 3. Первый сыр	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1. Списанная невеста

— Дом Орстейн разрывает помолвку с Вестой Ридд.

Голос мужчины прозвучал под сводами зала так ясно, что на миг исчезли все прочие звуки: шелест дорогих тканей, перезвон подвесок на высоких воротниках, скрип когтистых перстней по подлокотникам, сдержанные смешки в глубине рядов. Слова ударили Весту в грудь раньше, чем она поняла, где находится, кто перед ней и почему от этого голоса у неё стынет кожа под тяжёлым свадебным платьем.

Она стояла на чёрном круге из полированного камня. Камень был врезан в пол зала, как клеймо. Внутри круга тянулись золотые линии — крылья, хвосты, драконьи пасти, древние знаки домов, которые смотрели на неё со всех сторон. Высокие окна пропускали бледный зимний свет, и этот свет падал на лица собравшихся, подчёркивая их неподвижную красоту, длинные шеи, острые скулы, глаза с узкими зрачками и тяжёлые украшения, в которых золота было меньше, чем власти.

Веста сделала вдох и почувствовала корсет. Он сжимал рёбра, мешал дышать, держал спину прямой, словно кто-то заранее позаботился, чтобы она красиво выглядела даже в минуту собственного позора.

Позора?

Слово всплыло вместе с чужим именем.

Веста Ридд.

Её звали Веста Ридд.

Нет. Её звали Оксана Климова.

Мысль вспыхнула так резко, что перед глазами поплыли золотые линии на полу. Она помнила серый утренний свет в окне своей кухни, недопитый чай на столе, сообщение от начальницы, пустой холодильник, усталость, которой уже не было сил сопротивляться. Помнила собственные руки — совсем другие, с коротко подстриженными ногтями, без тонких колец, без белой перчатки до локтя. Помнила, как наклонилась за упавшей папкой, как в висках потемнело, как пол ушёл из-под ног.

А теперь перед ней стоял мужчина, которого весь зал называл её женихом.

Бран Орстейн.

Его имя она знала сразу, как знают слова родного языка. Оно откликнулось где-то глубоко, в памяти чужого тела, и принесло с собой жар стыда, горечь ожидания, месяцы писем без ответа, долгие примерки платьев, наставления тётки, шёпот служанок, обещание союза, от которого зависел остаток жизни девушки по имени Веста.

Бран стоял в нескольких шагах от неё. Высокий, широкоплечий, в тёмном парадном камзоле, расшитом серебряной нитью. На груди — знак Орстейнов: дракон, сомкнувший крылья над башней. У него были чёрные волосы, убранные от лица, и светлые глаза, в которых искрилось золото. Не человеческий блеск. Не украшение. Живой огонь в глубине радужки, скрытый под выученным спокойствием.

Он не смотрел на неё с ненавистью. И это оказалось хуже.

Ненависть дала бы точку опоры. С ней можно было бы бороться, можно было бы злиться, отвечать, защищаться. А Бран смотрел так, как смотрят на ошибку в договоре: неприятно, досадно, но решается.

За его правым плечом стояла женщина в платье цвета спелой вишни. Мальва Тейн. Веста узнала её тоже, и тело отозвалось неприятным сжатием в животе. Мальва была из тех красавиц, рядом с которыми другие женщины сразу чувствовали, что поправляют волосы, выпрямляют спину, ищут в себе изъян. Светлые локоны лежали на плечах мягкой волной, тонкие пальцы касались жемчужной застёжки у горла, губы были сложены в сочувственную линию.

Сочувственную — для зала.

Победную — для Весты.

— Лорд Орстейн, — произнёс старший советник, сидевший в центре возвышения под резным знаком Совета, — вы подтверждаете отказ добровольно, без принуждения со стороны дома Тейн, дома Ридд или третьих лиц?

Бран склонил голову. Коротко, точно, без лишнего движения.

— Подтверждаю.

В ряду слева кто-то усмехнулся. Не громко, но Веста услышала. В этом зале всё было устроено так, чтобы унижение доходило до адресата без помех.

Её пальцы вцепились в складки белого платья. Ткань была плотная, дорогая, расшитая мелкими перламутровыми искрами. Свадебное платье. Сегодня она должна была выйти из этого зала невестой дракона, будущей леди Орстейн, спасительницей беднеющего дома Ридд.

Вместо этого её списывали при свидетелях.

— Леди Ридд, — обратился к ней советник.

Веста не ответила сразу. Горло не слушалось. Язык казался чужим, пересохшим, а в голове сталкивались две памяти: одна требовала упасть на колени, заплакать, умолять Брана вспомнить обещания; другая — взрослая, злая, с московскими пробками, очередями, кредитами, чужими дедлайнами и вечным “сама справишься” — смотрела на всё это со всё более ясным бешенством.

Леди Ридд.

Да что ж ты молчишь, девочка?

Чужая Веста внутри была тонкой, испуганной тенью. Она боялась этого зала, этих лиц, Брана, Мальвы, Совета, нищеты, слухов, будущего. Она всю жизнь боялась быть лишней. Оксана знала это чувство так хорошо, что от него стало тошно.

Но Оксана не собиралась умирать второй раз в чужом платье под чужие смешки.

Она разжала пальцы. На белой ткани остались смятые следы.

— Я слушаю, милорд советник, — произнесла она.

Голос оказался ниже, чем она ожидала. Хрипловатый после пережитого страха, но достаточно ровный. Несколько голов повернулись к ней с новым интересом. Видимо, прежняя Веста так не говорила.

Мальва чуть приподняла брови, словно увидела пятно на скатерти.

Советник перелистнул лежавший перед ним пергамент. Листы были закреплены металлической пластиной с печатью Совета. По краям пластина отливала красным, словно в ней тлел уголь.

— Дом Орстейн, принимая во внимание прежние договорённости с домом Ридд, не желает оставлять леди Весту без защиты после расторжения помолвки. Вам будет предоставлена достойная компенсация.

Слово “достойная” прокатилось по залу, вызвав новую волну еле скрытых улыбок.

Веста смотрела на советника и чувствовала, как внутри медленно — нет, спокойно и тяжело — поднимается что-то похожее на каменную плиту. Паника оставалась, но уже за этой плитой. Она всё ещё не понимала законов, не знала расстановки домов, не помнила половины деталей чужой жизни. Зато прекрасно понимала тон.

Так в её прежнем мире говорили, когда увольняли беременную сотрудницу “по соглашению сторон”. Так улыбались, когда старую соседку уговаривали подписать бумаги на квартиру. Так произносили “мы вам поможем”, когда уже решили забрать последнее.

— Какая компенсация? — спросила Веста.

Где-то справа фыркнула молодая женщина с серебряными рожками, вплетёнными в причёску. Её сосед прикрыл губы перчаткой.

Советник, похоже, не ожидал вопроса. Он перевёл взгляд на Брана, потом снова на Весту.

— Сумма в двести золотых крон, оплаченная немедленно. Кроме того, дом Орстейн выделит закрытую карету и сопровождение до приюта святой Ардены в дальних землях. Там вы сможете жить достойно, без нужды и лишнего внимания.

Приют.

Веста чуть повернула голову. Мир встал на место.

Итак, ей предлагали деньги, которых хватит ненадолго, и дорогу туда, где о ней быстро забудут. Вежливое исчезновение. Без крика, без крови, без скандала. Просто белое платье, карета, чужие стены, тишина и вечное “так будет лучше”.

Мальва подалась вперёд на полшага. Её серьги качнулись, поймав свет.

— Веста, — сказала она мягко, и от этой мягкости Веста ощутила, как напряглись плечи. — Я понимаю, как вам сейчас тяжело. Все понимают. Но иногда милосердие выглядит не так, как мы мечтали. Приют святой Ардены — очень уважаемое место. Там вам дадут покой.

Несколько дам одобрительно закивали. Кто-то шепнул: “Как благородно”.

Веста посмотрела на Мальву. Та держала лицо безупречно. В глазах — капля влаги, у губ — сожаление, в осанке — победа.

— Вы часто отправляете туда женщин, которым желаете добра? — спросила Веста.

Шёпот по залу прошёл живее прежнего.

Мальва не дрогнула, но пальцы на жемчужной застёжке сжались сильнее.

— Я желаю вам только безопасности.

— Как удобно, — сказала Веста. — Безопасность всегда находится подальше от тех, кто её предлагает.

На этот раз смех не прозвучал. В зале стало плотнее. Советник положил ладонь на пергамент.

— Леди Ридд, вам следует помнить, где вы находитесь.

Она помнила. Прекрасно помнила, даже если проснулась здесь несколько минут назад. В зале, где её собирались завернуть в белую ткань приличий и вынести за дверь как ненужную вещь.

Веста повернулась к Брану.

Он всё ещё стоял прямо, но теперь смотрел не как на ошибку в договоре. Его внимание стало тяжелее, внимательнее. В золотых искрах глаз появилось движение. Словно дракон под кожей приподнял голову.

— Лорд Орстейн, — произнесла она.

По залу снова прошла волна. Обращение было правильным, но в нём не было ни просьбы, ни прежней робости.

Бран ответил не сразу.

— Леди Ридд.

Его голос был низким, с хриплой глубиной, от которой чужая память Весты вздрогнула. Она помнила, как ждала этот голос в коридоре после осеннего бала. Как слышала его из-за закрытой двери, когда Бран говорил с отцом. Как верила, что за суровостью есть честь.

Оксана верить не собиралась. Пока нет.

— Вы считаете эту компенсацию справедливой? — спросила она.

Бран опустил взгляд на её смятое платье, на побелевшие пальцы, на лицо. Веста почувствовала, как жар поднимается к щекам, но не отвернулась.

— Я считаю её достаточной, — сказал он.

Вот так. Достаточной.

Слово легло между ними, как нож на стол.

Веста улыбнулась. Не потому, что ей было весело. Улыбка сама появилась — маленькая, неприятная, взрослая. Такая улыбка приходила к Оксане в кабинете, когда очередной мужчина в дорогом костюме объяснял ей, почему её труд стоит меньше, чем его пустые обещания.

— Для кого? — спросила она.

Бран слегка нахмурился.

— Что?

— Для кого она достаточна, лорд Орстейн? Для девушки, которую вы сегодня лишаете будущего? Для дома Ридд, который теряет союз? Для вашего имени? Или для удобства тех, кто хочет закончить этот разговор до ужина?

На возвышении зашевелились. Один из советников, пожилой мужчина с чешуйчатой линией у виска, наклонился к соседке. Мальва сделала вдох, едва заметный, но Веста увидела, как натянулась ткань на её груди.

Бран шагнул ближе. Всего на один шаг. От него пахло морозом, кожей, дымом и чем-то острым, горным. Не парфюмом. Силой.

— Вы выбираете опасный тон, леди Ридд.

Весте хотелось рассмеяться. Возможно, она и рассмеялась бы, если бы колени не дрожали под платьем. Опасный тон? Она очнулась в чужом теле посреди суда, где её списывали как бракованный товар, и теперь ей указывали на тон.

— Я выбираю единственное, что у меня осталось, — ответила она. — Голос.

Эти слова произнесла Оксана, но после них внутри, глубоко под страхом, дрогнуло что-то от прежней Весты. Не возражение. Отклик.

Советник постучал по столу коротким жезлом. Металл ударил о камень, и звук разошёлся под сводами.

— Достаточно. Леди Ридд находится в потрясении. Совет признаёт это и готов закрыть глаза на неуместные высказывания. Решение о компенсации принято.

— Нет, — сказала Веста.

Слово вышло спокойно. И потому прозвучало громче крика.

Старший советник поднял голову.

— Что вы сказали?

— Я сказала: нет. Я не принимаю двести крон и карету до приюта.

На этот раз зал ожил открыто. Люди переглядывались, поднимали веера, наклонялись друг к другу. Где-то за спиной закрипел сапог стражника. Воздух наполнился запахом нагретого металла и дорогих духов. Веста вдохнула его и заставила себя не отступать.

Она должна была выиграть время. Ей нужны были сведения, опора, хоть что-то. Чужая память металась обрывками: дом Ридд, долги, умерший отец, тётка, письма, герб с белым камнем, старое владение у северной дороги... Белый Камень. Сыроварня. Все называли её обузой. Проклятые скалы. Место, которое давно не приносит дохода. Гнилые крыши, долги перед поставщиками, разбежавшиеся мастера.

Бесполезное место.

Бесполезное — для них.

Для Оксаны это слово значило другое: недооценённое.

— Условия могут обсуждаться только в рамках уже предложенного, — произнёс советник. — Дом Орстейн проявил щедрость.

— Тогда я проявлю скромность, — ответила Веста.

Она повернулась так, чтобы видеть и Совет, и Брана, и Мальву. Сердце билось высоко, под самым горлом. Пальцы под перчатками вспотели, спина ныла от корсета, виски пульсировали. Но чем дольше она стояла, тем яснее понимала: стоит ей сейчас согласиться — и конец. Её вывезут отсюда до заката. Завтра в зале будут говорить о новой помолвке Брана. Послезавтра имя Весты Ридд станет неловким воспоминанием.

— Мне не нужны двести крон, — сказала она. — Мне не нужен приют. Мне не нужна карета под охраной людей, которые будут следить, чтобы я не свернула с дороги.

Мальва посмотрела на неё уже без прежней сладости. Всего на миг. Потом лицо снова стало заботливым.

— Веста, дорогая, вы не понимаете, что говорите. У вас нет средств, нет сильных родственников, нет дома, который способен вас принять. Совет предлагает вам защиту от бедности и слухов.

— Вы удивительно хорошо знаете, чего у меня нет, леди Тейн.

— Это известно всем, — с сожалением сказала Мальва.

— Тогда всем будет легко подтвердить, что я прошу малость.

Старший советник прищурился.

— Какую именно?

Веста почувствовала, как внимание Брана стало почти осязаемым. Он уже не скрывал интереса. В его лице появилась настороженность, и от этого ей стало легче. Пусть смотрит. Пусть видит, что списанная невеста не собирается уходить по коридору, который ей заботливо открыли.

— Передайте мне сыроварню “Белый Камень” у Проклятых скал, — сказала она.

Тишина пришла не сразу. Сначала кто-то не поверил и переспросил шёпотом. Потом засмеялась молодая женщина справа. За ней ещё двое. Смех катился по рядам, набирая силу, но в нём уже было меньше злости, чем растерянности.

— Белый Камень? — пожилой советник с чешуйчатым виском подался вперёд. — Родовое хозяйство Риддов?

— Заброшенное хозяйство Риддов, — поправила его Мальва, и снова улыбнулась. — Насколько я слышала, там давно нечего передавать. Кроме долгов и мышей.

Веста едва не ответила, что мыши хотя бы честнее некоторых людей, но прикусила язык. Оксана знала цену первой победе: не стоит тратить её на красивую колкость, если впереди подпись.

— Тем проще удовлетворить мою просьбу, — сказала она. — Дом Орстейн сохранит золото. Совет избавится от моего присутствия. Леди Тейн получит спокойствие. А я получу место, где смогу жить без вашей благотворительности.

Бран смотрел на неё долго. Слишком — нет, долго и пристально, так, что Веста успела почувствовать каждую складку платья, каждый взгляд на себе, каждое биение сердца.

— Вы знаете, где находится Белый Камень? — спросил он.

Чужая память откликнулась ветром, серой дорогой, скалами, над которыми всегда собирались тучи. Маленькая Веста когда-то ехала туда с отцом. В телеге пахло сеном и тёплой коркой хлеба, отец смеялся, показывал на белый выступ горы и говорил: “Запомни, девочка, камень держит тех, кто держится сам”.

Потом отец умер. Дом Ридд начал падать. Белый Камень забрали управляющие, долги, зима, страхи.

— У Проклятых скал, — ответила она.

— Это не место для женщины без охраны.

— Значит, мне стоит научиться нанимать охрану.

В рядах опять послышались смешки. Бран их не поддержал. Его взгляд скользнул к Мальве, задержался на ней на долю мгновения и вернулся к Весте.

Мальва шагнула ближе к нему. Очень красиво. Так, чтобы её движение выглядело заботой, а близость — естественным правом.

— Бран, ей нельзя позволять принимать решения в таком состоянии. Белый Камень опасен. Дорога туда разбита, люди в тех местах грубы, а зимой скалы отрезают путь. Если с Вестой что-то случится, все скажут, что дом Орстейн бросил её на гибель.

Как точно. Как удобно. Даже возможную гибель Весты Мальва уже превращала в неудобство для Орстейнов.

Бран ответил не ей.

— Белый Камень давно не приносит дохода. Там нет достойных покоев, нет службы, нет запасов на зиму. Последний мастер покинул сыроварню два года назад.

— Значит, помещение освободилось, — сказала Веста.

— Вы говорите так, словно это лавка на городской площади.

— Я говорю так, словно это моя единственная возможность остаться человеком, а не стать неприятным воспоминанием в чужой гостиной.

Эта фраза ударила точнее, чем она планировала. Советник отвёл глаза к пергаменту. Кто-то в зале перестал улыбаться. Даже Мальва на миг потеряла прежнюю мягкость лица.

Бран сжал челюсть. Под кожей у его виска мелькнула золотистая жилка, тонкая, как трещина в раскалённом металле. Веста увидела это и поняла: в нём всё же есть гнев. Просто она пока не знала, на кого он направлен.

— Вы не выживете там, — произнёс он.

Слова были сказаны ровно. Без угрозы. Но в них прозвучала уверенность человека, который знает север лучше карт на стенах Совета.

— Возможно, — ответила Веста.

Ей стало страшно. По-настоящему. Не сценически, не красиво, не так, как принято дрожать в романах перед властным героем. Страх был липким, земным. Она не знала, как вести хозяйство в другом мире. Не знала местных законов. Не знала, есть ли у неё деньги на дорогу, кто станет работать на списанную невесту, что едят на этих землях зимой, чем топят печи, кому платят налоги. Она даже не была уверена, что сможет снять это платье без помощи.

Но ещё хуже было представить приют святой Ардены, длинные коридоры, чужие правила и годы, в которых её имя будут произносить только с жалостью.

— Возможно, — повторила она. — Но это будет мой выбор.

Старший советник поднялся. Его мантия, тёмная с золотым шитьём, легла тяжёлыми складками. В зале стало строже.

— Леди Ридд, вы требуете передачи имущества, обременённого долгами и обязательствами перед поставщиками северного округа. Совет не обязан удовлетворять подобные капризы.

— Это не каприз, милорд. Это замена компенсации. Вы хотели дать мне двести крон и дорогу в забвение. Я прошу хозяйство, которое, по словам всех присутствующих, ничего не стоит.

— Хозяйство принадлежит вашему дому, но находится под временным управлением Совета до закрытия долгов, — сказал пожилой советник.

Вот оно.

Веста почувствовала, как внутри щёлкнул замок. Значит, Белый Камень всё ещё связан с Риддами. Его не продали окончательно. Его держали, как мёртвый груз, пока долги росли, а прежняя Веста становилась всё слабее.

— Тогда верните мне управление, — сказала она. — Долги останутся моими. Сроки — тоже. Я подпишу.

Мальва рассмеялась первой. Тихо — нет, с лёгким серебряным звоном, который должен был показаться невольным.

— Простите, Веста. Я не хотела. Просто вы даже не представляете, что такое хозяйственные долги. Там нужны расчёты, поставки, договоры с мастерами, понимание торговли. Это совсем не то же самое, что выбрать ленты к платью.

Веста медленно повернула к ней голову. Слово “медленно” она бы вычеркнула, если бы писала этот текст сама, но движение действительно вышло размеренным. В нём было время, чтобы Мальва поняла: удар принят.

— Вы правы, леди Тейн. Ленты к платью я выбрала плохо.

В зале кто-то кашлянул, пряча смешок.

Веста провела ладонью по белой юбке.

— Зато теперь у меня появится возможность выбирать то, что важнее.

Мальва улыбалась, но глаза стали острыми.

— Например?

— Кому верить. За что платить. Кого пускать в свой дом. И когда уходить с чужого праздника.

Бран перевёл взгляд на Мальву. Теперь это заметили многие. Несколько дам перестали прятаться за веерами. Старший советник поморщился, потому что разговор уходил от управляемого позора к чему-то непредсказуемому.

— Лорд Орстейн, — сказал он. — Дом Орстейн готов заменить денежную компенсацию передачей прав управления Белым Камнем?

Бран не спешил отвечать. Он смотрел на Весту так, словно впервые пытался совместить её с образом девушки, которую собирался сегодня оттолкнуть. Чужая память подсказывала: раньше она опускала глаза, говорила коротко, краснела от любого вопроса, благодарила за каждое сухое слово. Такой Вестой удобно было пренебречь. Такая Веста не требовала объяснений.

Новая Веста стояла в свадебном платье посреди зала и торговалась за руины.

— Белый Камень не покрывает ущерб дома Ридд, — произнёс Бран наконец. — Это тяжёлое владение. Передача управления избавит Совет от части расходов, но создаст риск для самой леди Ридд.

— Моим риском я распоряжусь сама, — сказала Веста.

— Вы не знаете север.

— Узнаю.

— Вы не знаете людей Проклятых скал.

— Познакомлюсь.

— Вы не знаете, что такое зима в тех местах.

— Тогда начну готовиться сегодня.

Бран сделал ещё один шаг. Теперь между ними оставалось расстояние, на котором можно было разглядеть тонкий шрам у него возле брови. Старый, бледный, делающий лицо не красивым в привычном смысле, а запоминающимся. Опасным.

Веста заставила себя выдержать его близость. Чужое тело помнило желание понравиться ему. Оксана — нет. Оксана помнила, что мужчины с красивыми шрамами тоже могут быть трусами, если в нужный момент выбирают удобную ложь.

— Почему именно Белый Камень? — спросил Бран.

Хороший вопрос.

Потому что другого у неё не было. Потому что приют был ловушкой. Потому что Мальва испугалась, когда услышала название. Потому что чужая память отозвалась теплом отцовской ладони. Потому что руины иногда проще поднять, чем людей, привыкших считать тебя слабой.

Веста выбрала ответ, который можно было произнести в зале Совета.

— Потому что это часть моего дома. Если сегодня от меня отказываются как от невесты, я хотя бы останусь Ридд.

Его лицо изменилось. На одно мгновение. Не смягчилось, нет. Но в глазах что-то дрогнуло, как огонь за толстой слюдой.

Мальва увидела это тоже.

— Бран, — сказала она, и в её голосе впервые появилась живая тревога. Она тут же спрятала её под ласковой заботой. — Подумай, как это будет выглядеть. Если Веста уедет туда и пропадёт, слухи ударят по тебе. Пусть лучше она примет защиту. Это милосерднее.

Веста не удержалась.

— Удивительно, как настойчиво вы хотите моего милосердного исчезновения.

Мальва побледнела, но улыбка осталась на месте. Её воспитали хорошо. Или долго учили побеждать.

— Я хочу, чтобы вы не навредили себе из гордости.

— А я хочу впервые за день услышать, как кто-нибудь скажет правду без кружева.

Старший советник поднял жезл.

— Леди Ридд!

— Простите, милорд, — сказала Веста, хотя не собиралась просить прощения по-настоящему. — Тогда я скажу строго по делу. Я отказываюсь от денежной компенсации и от сопровождения в приют. Я прошу вернуть мне право управления сыроварней “Белый Камень” со всеми долгами, обязательствами, строениями, землёй, складами, печатями и хозяйственными книгами. Я готова подписать документ сейчас, в присутствии Совета и дома Орстейн.

После этих слов зал уже не смеялся. Люди поняли: она не ломает сцену капризом, она меняет сделку. А сделки драконья знать уважала даже тогда, когда не уважала женщину в белом платье.

Пожилой советник наклонился к старшему и что-то прошептал. Ещё двое переглянулись. Один достал тонкую папку из чёрной кожи. Значит, документы по Белому Камню были рядом. Значит, этот вопрос мог возникнуть. Или кто-то заранее готовил передачу хозяйства другим рукам.

Веста посмотрела на Мальву.

Та уже не улыбалась глазами.

Вот ты и выдала себя, красавица.

Старший советник сел. Его пальцы легли на край стола, на ногтях блеснули чешуйчатые пластины.

— Лорд Орстейн, ваше решение?

Веста ожидала, что Бран откажет. Упрётся в безопасность, честь, репутацию, ещё какую-нибудь красивую решётку, за которой удобно держать женщину без права выбора.

Он посмотрел на неё.

— Дом Орстейн согласен заменить денежную компенсацию передачей управления Белым Камнем, если Совет подтвердит, что леди Ридд принимает владение добровольно и осознаёт долги.

В груди у Весты что-то провалилось, а потом поднялось горячей волной. Она не ожидала согласия. Не так быстро.

Мальва повернулась к нему.

— Бран...

Он не посмотрел на неё.

— Она просит не милости, — сказал он. — Она просит своё.

Эти слова не были защитой. Не были раскаянием. Возможно, он произнёс их из гордости, из драконьего уважения к праву собственности, из желания закончить сцену без новых уколов. Но Веста всё равно запомнила их. Иногда даже неправильный человек мог сказать правильную фразу.

Советник кивнул писцу.

Тот поднялся из-за бокового стола. Сухощавый мужчина в сером, с цепью Совета на груди, разложил перед собой листы, взял перо и начал писать. Скрип пера прозвучал деловито и жёстко. Позор превращался в документ. Документ — в шанс.

Пока писец выводил строки, зал гудел вполголоса. Слухи уже рождались прямо здесь, между колоннами. “Сошла с ума”. “Гордость Риддов”. “Белый Камень”. “Проклятые скалы”. “Она не доживёт до весны”. “Орстейн позволил”. “Тейн недовольна”.

Веста стояла на чёрном круге и чувствовала, что силы уходят. Каждая минута давалась труднее прежней. Чужое тело было слабее, чем она привыкла. Корсет давил, туфли натирали

пятки, в висках шумело. Она боялась, что сейчас оступится, и весь зал увидит, как дорого ей обходится эта стойкость.

Не сейчас.

Только не сейчас.

Она нашла глазами дальнюю колонну, украшенную барельефом дракона, и сосредоточилась на одной детали: коготь касался каменного щита. Коготь был вырезан так тонко, что на нём виднелись прожилки. Мастер трудился над ним долго. Значит, этот мир любил детали. Детали можно было понять. А если можно понять, значит, можно выжить.

— Леди Ридд, — позвал писец.

Веста подошла к столу. Пол под ногами уже не казался таким надёжным. На пергаменте ровными строками были выведены условия: отказ от денежной компенсации, передача прав управления хозяйством “Белый Камень”, личная ответственность за долги, подтверждение добровольного решения. Внизу оставалось место для её подписи.

Она посмотрела на перо.

И поняла, что не знает, как подписывалась Веста Ридд.

Паника вернулась, ударила в горло, рассыпала мысли. Подпись. Простая подпись. В прежнем мире она ставила её сотни раз. Здесь чужая рука могла выдать её за один миг.

— Что-то не так? — спросила Мальва.

Сладость в её голосе стала тоньше. Она заметила.

Веста подняла перо. Сердце билось так сильно, что рука могла дрогнуть. Чужая память, помощи же. Хоть сейчас.

В пальцах появилось странное ощущение: привычка к другому наклону, к длинной первой букве, к завитку в конце. Тело помнило то, что разум не успел разобрать. Веста позволила руке двигаться. Перо коснулось пергамента, оставляя тёмную линию.

Веста Ридд.

Подпись вышла красивой, тонкой, с острым росчерком. На последней букве рука всё же дрогнула, и росчерк получился глубже, чем надо. Писец бросил взгляд, но ничего не сказал.

Советник приложил к документу печать. Красный воск вспыхнул изнутри, принимая оттиск. Веста отступила. Ей казалось, что вместе с этой печатью на неё поставили невидимый знак: теперь назад нельзя.

— С этого момента, — произнёс старший советник, — леди Веста Ридд принимает управление хозяйством “Белый Камень” у Проклятых скал. Дом Орстейн освобождается от денежной компенсации по расторгнутой помолвке. Совет признаёт решение добровольным.

Добровольным.

Какая роскошная ложь. И какая полезная правда.

Мальва подошла к ней после объявления. Не сразу, выждав, когда первые голоса в зале снова начнут шептаться. Она двигалась легко, платье цвета вишни касалось пола без шороха. Вблизи её лицо казалось ещё красивее. Безупречная кожа, ясные глаза, тонкий аромат цветов.

— Вы очень смелая, Веста, — сказала она.

— Сегодня это называют по-разному.

— Смелость без расчёта быстро становится бедой.

— Тогда мне повезло, что считать я умею.

Мальва склонила голову набок. Улыбка вернулась.

— В Белом Камне считают не монеты, а потери.

— Значит, начну с них.

— Вы не понимаете, кому переходите дорогу.

Вот оно. Наконец-то не кружево. Почти правда.

Веста позволила себе такую же вежливую улыбку.

— Пока я вижу только людей, которые очень расстроились из-за никому не нужной сыроварни.

Мальва не ответила. Её пальцы на миг коснулись браслета — тонкой золотой змеи вокруг запястья. Потом она отступила, снова превратившись в образец благородства.

Бран ждал у края чёрного круга.

Веста не хотела подходить. Ей хотелось выйти из зала первой, не смотреть на него, не слышать его голос, не позволять чужой памяти тянуться к нему сквозь обиду. Но именно поэтому она подошла. Иногда победу нужно было закреплять взглядом в глаза.

— Лорд Орстейн, — сказала она.

— Леди Ридд.

Теперь в его голосе не было прежней отстранённости. Он всё ещё держался сдержанно, но между словами появилось что-то тяжёлое. Возможно, недовольство. Возможно, уважение. Возможно, раздражение от того, что слабая фигура в белом платье вдруг вышла из отведённой роли.

— Вы получили то, что просили, — сказал он.

— Нет, — ответила Веста. — Я получила то, что смогла забрать.

Его глаза вспыхнули ярче. Веста увидела в них дракона — не оборот, не легенду, а внутреннюю силу, которой хватило бы, чтобы сжечь зал одним решением. Странно, но теперь это пугало меньше, чем равнодушие.

— Белый Камень не прощает самоуверенности.

— Люди тоже. Но почему-то вы рассчитывали, что я прощу.

На этот раз удар дошёл. Бран не отвёл взгляда, но его пальцы сжались на перчатке, которую он держал в руке. Перчатка была чёрной, из тонкой кожи, с серебряной застёжкой.

— Я не просил прощения.

— Заметила.

— И не стану лгать, чтобы облегчить вам сегодняшний день. Ваша просьба опасна. У Проклятых скал суровые дороги, плохая слава и долгая зима. Там не любят столичных хозяев. Там не кланяются титулу, если за ним нет силы. Вы едете в место, которое ломало людей крепче вас.

Веста слушала его и понимала: вот теперь он говорит честно. Поздно, грубо, без тепла, но честно.

— Спасибо за предупреждение.

— Это не предупреждение, леди Ридд.

— А что?

Он наклонился чуть ближе. Не угрожающе. Так, чтобы его слова услышала только она, хотя рядом наверняка ловили каждый вдох.

— Там никто не держится дольше зимы.

Веста почувствовала, как по спине прошёл холод. Не от его тона. От того, что в чужой памяти всколыхнулись рассказы: снежные обвалы, волчьи стаи на дорогах, пустые окна сыроварни, исчезнувшие работники, белые скалы, у которых путники теряли голос. Сказки? Суеверия? Или то, о чём в приличном зале говорили намёками?

Она могла отступить. Ещё могла. Сказать, что передумала, принять золото, карету, приют. Никто бы не удивился. Посмеялись бы, конечно. Но зато она прожила бы... как? Под надзором, в чужом углу, с памятью о том, что в первый же день новой жизни сама выбрала клетку?

Нет.

Веста выпрямила спину. Белое платье зашуршало, камни на корсаже поймали свет. Она была смешной в этом наряде, нелепой, брошенной, незащитной среди драконов и их законов.

Но документ уже лежал на столе с её подписью. Где-то далеко, у Проклятых скал, её ждала сыроварня, которую все считали мёртвой.

Мёртвые места иногда легче понять, чем живых предателей.

— Значит, — сказала она, глядя Брану Орстейну прямо в глаза, — я буду первой.

Он ничего не ответил.

Но зал услышал. Веста поняла это по тому, как снова стихли голоса, как Мальва обернулась, как старший советник прищурился, как писец замер с документом в руке. Её фраза уже уходила в чужие уши, превращаясь в слух, в насмешку, в ставку.

Пусть.

Сегодня они списали её как невесту.

Завтра она начнёт учиться быть хозяйкой.

Глава 2. Белый Камень

Карета тронулась от ворот Совета без прощаний.

Веста сидела напротив узкого окна, в котором ещё отражались чёрные башни столицы, и держала на коленях папку с документами так крепко, словно эта папка могла вырваться и сбежать обратно в зал, где всё решали за неё. Пальцы под белыми перчатками онемели, но она не разжимала их. Красная печать Совета на верхнем листе казалась живой: неровный воск поблёскивал в тусклом свете, драконий отпечаток расправлял крылья, а рядом, чуть ниже, стояла её подпись.

Веста Ридд.

Её подпись.

Не её.

Она отвернулась к окну, потому что от этой мысли во рту стало горько. Столица провожала её равнодушно: серые стены, острые крыши, фонари на цепях, мостовые, по которым стучали копыта. За решётчатыми воротами мелькали лавки с яркими навесами, женщины в меховых накидках, мальчишки с корзинами, стражники у углов. Мир был слишком подробным для сна. Он пах мокрой шерстью, углём, лошадиным потом, морозом и чужой жизнью, в которую её втокнули без спроса.

На сиденье рядом лежал дорожный плащ. Не тот, что она выбрала бы сама: тяжёлый, тёмно-синий, с серебряной застёжкой в виде ветки. Его сунула ей в руки какая-то служанка уже на выходе из Совета, не глядя в лицо. Свадебное платье Веста сменила в боковой комнате, где зеркала были завешены серой тканью, а две молчаливые девушки двигались вокруг неё так быстро, словно боялись задержаться рядом с чужим позором. Вместо белого наряда ей выдали дорожное платье прежней Весты — тёплое, но старомодное, с потёртыми манжетами и перешитым лифом.

Хорошо.

В белом ехать к руинам было бы совсем смешно.

Наискось от неё сидел человек Совета — сухой мужчина с лицом усталого писаря и руками, которые привыкли не к мечу, а к печатям. Его звали Севар Лонг. Он представился один раз, когда помогал погрузить папки в карету, и после этого замолчал на добрый час. На груди у него висела цепь с маленьким знаком Совета, а на коленях лежала плоская шкатулка из тёмного дерева. В шкатулке, как он сообщил, хранились ключи Белого Камня, печать хозяйства и списки долгов.

Ключи.

Долги.

Печать.

Три слова, которые теперь весили больше, чем драгоценные подвески во дворце.

— Далеко? — спросила Веста, когда городские дома начали редеть.

Севар поднял на неё глаза. Серые, водянистые, осторожные.

— До первого постоянного двора успеем к вечеру. До Белого Камня — к завтрашнему полудню, если дорогу не занесёт.

Веста кивнула. Ей хотелось задать десяток вопросов сразу: сколько людей осталось в хозяйстве, кто управляет сыроварней, каковы долги, что за поставщики, почему место считают проклятым, где брать еду, как платить рабочим, есть ли у неё хоть комната с печью. Но она понимала, что каждый вопрос покажет её неведение. А неведение здесь пахло кровью для тех, кто умел кусать.

Поэтому она открыла папку.

Листы внутри были аккуратными, с сухими строками, ровными цифрами и названиями, которые ничего ей пока не говорили. “Поставщик горного молока — община Рогатого Луга”. “Долг за соль и древесную золу”. “Невыплаченная плата сезонным работникам”. “Ремонт северного ската крыши”. “Пошлина за дорогу через перевал”. “Просрочка по договору с купцом Фарреном Долом”.

Веста читала медленно, заставляя себя вникать в каждую строчку. Оксана умела работать с бумажным хаосом. Не с такими печатями, не с такими словами, но с сутью: долги, сроки, обязательства, штрафы, попытки спрятать главное в середине документа. Здесь тоже прятали. Неумело, потому что рассчитывали не на её глаза, а на её страх.

К полудню она поняла первое: Белый Камень был не просто заброшен. Его целенаправленно держали на грани. Долги дробились на мелкие платежи, сроки накладывались друг на друга, отчёты о ремонте повторяли одни и те же суммы, а доходов в книгах почти не было — словно сыроварня годами ничего не производила, но почему-то продолжала требовать расходов.

— Господин Лонг, — сказала Веста, не поднимая головы от листов, — кто получал деньги на ремонт северного ската крыши?

Севар шевельнулся.

— Управляющий Белого Камня подавал прошения через Совет.

— Я спрашиваю, кто получал деньги.

— Средства перечислялись подрядчику, указанному в смете.

— Подрядчик указан здесь три раза по-разному. “Ферн и сыновья”, “мастер Ферн” и “артель северного Ферна”. Это один человек?

Севар посмотрел в окно. За стеклом тянулись поля, припорошенные старым снегом. Дорога шла на север, и чем дальше они уезжали от столицы, тем ниже становились дома, тем шире — небо.

— Возможно, родственная артель.

— Возможно?

— Леди Ридд, я сопровождаю документы. Я не проводил проверку хозяйства.

Она закрыла лист и посмотрела на него уже прямо. Севар выдержал взгляд, но его пальцы на шкатулке с ключами сжались.

— Теперь проведу я.

Он промолчал.

Веста вернулась к бумагам. Внутри, под страхом, под усталостью, под всё ещё не исчезнувшим ощущением чужого тела, начало разгораться знакомое рабочее раздражение. Кто-то считал Весту Ридд глупой девочкой и не слишком старался прятать следы. Кто-то очень не хотел, чтобы Белый Камень ожил. Кто-то был уверен, что новая хозяйка не разберёт ни одного счёта, а если разберёт, не успеет ничего сделать до зимы.

Хорошо.

Пусть пока так думают.

К вечеру дорога поднялась в предгорья. Столичный камень остался позади; вместо него пошли сосны, кривые ограды, редкие дворы с низкими крышами и дымом из труб. Снег лежал не ровным покрывалом, а рваными пятнами, в которых темнела земля. Ветер бил по карете сбоку и свистел в щелях, как сердитый зверёк. Веста закуталась в плащ, но пальцы всё равно мёрзли.

Ночь они провели на постоялом дворе с вывеской “У трёх колокольцев”. Хозяин, круглый мужчина с рыжей бородой, узнав имя Ридд, на мгновение забыл улыбнуться. Потом улыбка вернулась, но стала другой — осторожной, с примесью жалости и любопытства.

— В Белый Камень, значит? — переспросил он, принимая дорожную плату от Севара.

— В Белый Камень, — ответила Веста сама.

Хозяин почесал бороду.

— Дорога там кривая. После моста держитесь левой стороны, правая уходит к старым каменоломням. И лошадей не гоните. Скалы шумят перед снегом.

— Скалы шумят? — спросила она.

Он посмотрел на неё так, словно решал, насколько столичной дурочкой её считать.

— Когда ветер в расселины заходит, госпожа. Звук такой, что чужие люди крестят воздух и обратно поворачивают.

Веста заметила, что Севар напрягся.

— А свои? — спросила она.

Хозяин пожал плечами.

— Свои слушают, с какой стороны воет. Иногда скалы предупреждают.

Он сказал это почти буднично и тут же отвёл глаза к полке с кружками. Веста не стала расспрашивать. В этом мире, как и в прежнем, люди охотнее говорили правду не тогда, когда их прижимали, а когда рядом было тепло, еда и ощущение, что им не угрожают.

Позже, в маленькой комнате под крышей, она сняла наконец перчатки и долго смотрела на свои руки. Чужие. Тонкие, белые, с крошечным шрамом у основания большого пальца. Она провела по нему ногтем, и в памяти всплыл обрывок: девочка Веста режет яблоко маленьким ножом, отец смеётся, забирает нож и говорит, что хозяйка должна беречь руки, потому что руками держится дом.

Веста села на край кровати.

Ей вдруг стало так одиноко, что даже дышать оказалось трудно. Днём она держалась на злости, на документах, на необходимости не дать себя растоптать. Но ночью, за тонкой дверью, за которой кто-то храпел, ходил, звякал посудой вниз, новая жизнь навалилась целиком.

Оксана Климова осталась где-то там — с недопитым чаем, неотвеченным сообщением, старой сумкой у двери. Кто найдёт её? Заплачут ли? Решат ли, что она просто исчезла, сбежала, не справилась? А может, там уже ничего нет, никакой кухни, никакого утра, никакой Оксаны. Только Веста Ридд, списанная невеста дракона, с долгами, руинами и дорогой к месту, где никто не держится дольше зимы.

Она легла, но не уснула сразу. Ветер теребил ставни. Где-то внизу смеялись возчики. Севар прошёл по коридору, остановился у её двери, потом двинулся дальше. Веста слушала шаги и думала о Бране.

Не о нём самом — о его последнем взгляде.

“Она просит своё”.

Почему он сказал это? Из гордости? Из закона? Из внезапного уважения? Или потому, что для драконов владение значило больше, чем чувства?

Неважно.

Она не собиралась строить свою жизнь на догадках о мужчине, который отказался от неё перед полным залом.

Утром они выехали до рассвета.

Небо над предгорьями было серо-синим, с тонкой полосой бледного золота у края. Дорога стала хуже: колёса попадали в замёрзшие колеи, карету качало, иногда так сильно, что Веста хваталась за ремень у стены. Севар молчал с упрямством человека, который жалеет, что не остался в тёплом кабинете. Кучер ругался себе под нос, но при виде Весты натягивал шапку ниже и делал вид, что всё в порядке.

Чем ближе они подъезжали к Проклятым скалам, тем больше Веста понимала, почему у этого места такая слава. Горы не поднимались постепенно; они вырастали из земли жёстко, белыми изломанными стенами, между которыми застревали тучи. Сосны цеплялись за склоны, корни выворачивали камень, по обочинам стояли столбы с вырезанными знаками — то ли

дорожные метки, то ли предупреждения. Ветер здесь был другим. Внизу он свистел и толкал, а между скалами звучал глубже, с низким протяжным гулом, от которого хотелось оглянуться.

За последним поворотом карета выехала на широкий уступ, и Веста увидела Белый Камень.

Сначала — не сыроварню, а саму скалу. Она действительно была белой: громадный выступ известняка, уходящий в небо, с тёмными прожилками, похожими на следы старого огня. У её подножия раскинулся хозяйственный двор, обнесённый каменной стеной. Стена просела в двух местах, ворота висели криво, одна створка была подперта бревном. За воротами виднелись несколько построек: длинный каменный корпус с высокой трубой, старый дом с тёмной крышей, низкие сараи, пустые навесы, колодец с перекошенным воротом.

Крыша главного корпуса провалилась у северного края.

Веста смотрела на это молча.

Документы не пахли сыростью, прогнившим деревом и холодной золой. В сметах не было видно, как ветер свободно гуляет через выбитое окно, как на дворе стоит замёрзшая лужа с радужной плёнкой, как у стены валяются сломанные формы, занесённые снегом. На бумаге “хозяйство, обременённое долгами” звучало строго. В жизни оно выглядело так, словно его бросили умирать и проверяли время от времени, не умерло ли окончательно.

— Приехали, — сказал Севар.

Веста не ответила. Она открыла дверцу сама, прежде чем кучер успел спрыгнуть. Холод ударил в лицо. Под ногами хрустнул наст, и тонкие городские ботинки сразу промокли у носков. Дорожное платье, пусть и тёплое, никак не подходило для такого двора. Но Веста не стала ждать, когда ей помогут. Она спустилась, выпрямилась и взяла папку с документами под мышку.

Ворота скрипнули, когда кучер толкнул их плечом.

Во дворе кто-то появился в проёме главного корпуса. Потом ещё двое — женщина в толстом платке и худой парень с ведром. Они остановились, глядя на карету, на знак Совета, на Весту. Не радостно. Не враждебно. Так смотрят на новый налог, поздний снег или чужое решение, которое всё равно придётся пережить.

Из дома вышел мужчина в сером кафтане, застёгнутом на все пуговицы. Лет сорока пяти, узкий, гладко выбритый, с бледным лицом и маленькими глазами. В руках он держал кожаную сумку. За его спиной в дверях стоял раскрытый сундук.

Собрался.

Даже не попытался скрыть.

— Леди Ридд, — произнёс он и поклонился ровно настолько, чтобы формальность была соблюдена, а уважение — нет. — Управляющий Филар Гесс. Я ожидал представителя Совета, но не думал, что вы придёте лично.

— Я тоже многое не думала, господин Гесс, — ответила Веста. — Однако мы оба здесь. Его губы дрогнули. Не улыбка — расчёт.

— Разумеется. Дорога была утомительной? Дом не подготовлен к приёму хозяйки. Сообщение о вашем решении пришло только вчера вечером, и я не успел распорядиться как следует.

Веста окинула взглядом двор, проваленную крышу, выбитое окно, сломанные ворота, пустые навесы.

— Как я понимаю, вы не успевали уже несколько лет.

Ведро в руках худого парня качнулось, вода плеснула на снег. Женщина в платке сжала губы, будто прятала улыбку. Филар Гесс побледнел сильнее, но удержался.

— Белый Камень — трудное хозяйство. Совет получал мои отчёты.

— Именно поэтому я начну с них.

Севар Лонг подошёл к ним, неся шкатулку. Вид у него был такой, словно он надеялся завершить передачу быстро и уехать до обеда. Веста почти посочувствовала ему, но только почти.

— Господин Гесс, — сказал Севар, — согласно решению Совета управление Белым Камнем передаётся леди Весте Ридд. Вы обязаны сдать ключи, печати, книги учёта, складские списки и договоры.

— Всё подготовлено, — ответил управляющий слишком быстро.

Веста заметила это. Слишком быстро подготовлено для человека, который уверял, что не успел распорядиться как следует.

— Прекрасно, — сказала она. — Начнём с книг.

Гесс повёл их в дом.

Внутри было холоднее, чем снаружи. Не морозно — запущенно. В прихожей пахло сырой древесиной, старым дымом и мышиным помётом. На стене висел герб Риддов: белый камень в круге пшеничных колосьев. Пыль лежала на нём таким слоем, что колосья казались серыми. Под гербом стоял столик, на котором кто-то оставил треснувшую глиняную чашку и огарок свечи.

Веста задержалась на миг.

Герб не выглядел великим. Не пугал, как драконьи знаки в Совете. Он был простым, почти домашним. Камень, колосья, круг. Хозяйство, земля, труд.

Её.

Пусть пока только на бумаге.

— Кабинет здесь, — сказал Гесс.

Кабинет оказался небольшой комнатой с узким окном на двор. У стены стоял стол, покрытый царапинами, рядом шкаф с книгами и связками бумаг. На полу — дорожная сумка управляющего, уже застёгнутая. Возле печи — несколько поленьев, но огонь не горел.

Веста сняла плащ и повесила его на спинку стула. Холод тут же пробрался к плечам, но она не стала снова кутаться. Если ей сейчас подадут образ замёрзшей бедной невесты, этот дом никогда не воспримет её хозяйкой.

— Огонь развести можно? — спросила она.

Гесс моргнул.

— Разумеется, но дрова экономят. Запасы...

— Тогда принесите два полена. Не десять. Два. И позовите всех, кто ещё работает в Белом Камне.

— Сейчас?

— Да.

— Леди Ридд, люди заняты.

— Чем?

Управляющий замолчал на долю секунды.

— Хозяйственными делами.

— Я хочу их увидеть. И дела, и людей.

Гесс поклонился. На этот раз ниже, но в поклоне сквозила неприязнь. Он вышел, аккуратно прикрыв дверь.

Севар поставил шкатулку на стол.

— Мне нужно получить вашу отметку о принятии имущества и вернуться в Совет.

— Получите, когда я увижу книги.

Он вздохнул.

— Леди Ридд, процедура передачи не требует подробной проверки на месте.

— Моя подпись требует.

Севар посмотрел на неё дольше обычного. Возможно, пытался понять, откуда в списанной невесте взялась такая неприятная привычка задавать вопросы.

— Как пожелаете.

Книги Гесс принёс через несколько минут. Три толстых тома в потёртых кожаных обложках, две папки со счетами и связку тонких дощечек с выжженными отметками. Следом вошла женщина в платке, которую Веста видела во дворе. Она поставила у печи охапку дров и, не дожидаясь разрешения, ловко разожгла огонь. Двигалась она уверенно, с привычной хозяйственной точностью. На вид ей было около сорока, лицо обветренное, руки красные от холода, глаза тёмные и цепкие.

— Как вас зовут? — спросила Веста.

Женщина выпрямилась.

— Марта, госпожа. За кухню смотрю. Когда есть за чем смотреть.

Последнее прозвучало без вызова, но с такой усталой правдой, что Веста сразу ей поверила.

— Спасибо, Марта. Оставайтесь.

Гесс, вошедший следом, нахмурился.

— Кухарка не имеет отношения к передаче управления.

— Зато имеет отношение к тому, что люди здесь едят, — сказала Веста, открывая первую книгу. — А это уже хозяйство.

Марта осталась у печи, вытирая ладони о передник. За ней в комнату заглянул худой парень с ведром. Вблизи он оказался моложе, чем показалось сначала: лет шестнадцать, острый нос, веснушки, рукава коротки на длинных запястьях.

— Рун, — представился он, когда Веста посмотрела на него. — Я... на посылках. И воду таскаю. И ворота, если надо. И коз иногда.

— Коз иногда кто-то должен, — сказала Веста.

Рун моргнул, не поняв, насмешка это или нет.

Последним пришёл старик.

Нет, не старик — мужчина за шестьдесят, ширококостный, с густыми седыми бровями и руками, которые не смогла бы сделать слабыми никакая старость. Он вошёл без поклона, остановился у двери и посмотрел на Весту так, словно она была очередной дырой в крыше: неприятно, но ожидаемо.

— Корнелий Брук, — сказал он. — Был мастером, когда здесь ещё делали сыр, а не бумаги перекладывали.

Марта кашлянула. Рун уставился в пол. Гесс побагровел.

Веста закрыла книгу на пальце, чтобы не потерять страницу.

— А сейчас?

— А сейчас я смотрю, чтобы подвалы не затопило и крысы не сожрали последнее дерево.

Севар поморщился. Гесс резко повернулся к Бруку.

— Мастер Брук, при представителе Совета...

— При Совете я молчал два года, — перебил Корнелий. — Толку было столько же, сколько от пустой формы.

Веста ощутила первый настоящий интерес за всё утро. Вот он, человек, который знал хозяйство. Не любил её, не верил ей, возможно, считал такой же бедой, как остальные. Но он говорил о подвалах, дереве и формах, а не о приличиях.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда начнём с пустых форм.

Корнелий прищурился.

— Что?

— Покажете мне сыроварню.

Гесс шагнул вперёд.

— Леди Ридд, сначала следует завершить документы. Осмотр можно провести позже, когда вы отдохнёте.

— Я отдохну, когда пойму, что приняла.

— Вы уже приняли, — мягко напомнил Севар.

— В зале Совета я приняла право. Сейчас принимаю реальность.

В комнате стало тихо. Огонь в печи наконец занялся, затрещал, выпуская слабое тепло. Веста чувствовала, как все смотрят на неё: Гесс с раздражением, Севар с усталой осторожностью, Марта с неожиданной заинтересованностью, Рун с открытым любопытством, Корнелий Брук — с недоверием, таким крепким, что его можно было ставить вместо подпорки под ворота.

— Пойдёмте, — сказал мастер. — Только платье подберите, госпожа. У нас тут не Совет. Тут грязь настоящая.

Это не было оскорблением. Скорее предупреждением.

Веста поднялась и аккуратно подобрала подол.

— К настоящей грязи у меня претензий меньше, чем к вежливой.

Марта отвернулась к печи слишком быстро. Рун прижал губы ладонью. Даже Севар кашлянул в кулак. Корнелий хмыкнул — коротко, недоверчиво, но уже не совсем враждебно.

Они вышли во двор.

Ветер тут же ударил в лицо, принёс запах снега, мокрого камня и старого дыма. Веста шла за Корнелием к главному корпусу, стараясь не поскользнуться на ледяных пятнах. Позади семенил Севар, прижимая к груди шкатулку, а Гесс держался рядом так напряжённо, словно боялся, что стены сами начнут на него жаловаться.

Главный корпус сыроварни был длинным, сложенным из белёсого камня. Вблизи стало видно, что здание не такое мёртвое, как показалось с дороги. Да, северная часть крыши просела, одно окно заколочено досками, у входа валялась сломанная лопата. Но стены стояли крепко. Камень не крошился. Труба была цела. Дверные петли проржавели снаружи, но сама дверь открылась тяжело и честно, без опасного скрипа.

Внутри пахло холодным молоком, древесиной, каменной сыростью и чем-то кислым, застарелым, но не гнилым. Помещение было просторным: высокие балки, большие чаны у стены, длинные столы, полки, крюки, кадки, деревянные прессы. На полу — пыль, следы мышей, обрывки верёвки, стружка. Пустые полки тянулись в два ряда и выглядели так уныло, что Веста на миг почувствовала почти физическую боль.

Пустое производство всегда печальнее пустой комнаты. Комната ждёт людей. Производство ждёт смысла.

Корнелий прошёл к одному из чанов и провёл ладонью по краю.

— Медь хорошая. Если отчистить, ещё послужит. Прессы два года без дела, но дерево не повело. Формы надо перебирать. Половину выбросить, половину спасти. Соль закончилась. Ткань для отцеживания вся сгнила или её утащили. Крыша течёт над северным залом, туда не ходите без меня. Подвалы держатся.

Он говорил резко, но в голосе его впервые появилось тепло. Не к Весте — к месту. К чанам, прессам, подвалам. Так говорят не о мёртвом.

— Почему не работали? — спросила Веста.

Корнелий медленно повернул к ней голову.

— Потому что молока нет, людей нет, денег нет, дорог нет, веры нет. Достаточно?

— Нет.

Он усмехнулся.

— Столичная.

— Да. Поэтому объясняйте подробно.

Гесс вмешался:

— Леди Ридд, хозяйство простаивало из-за объективных причин. После смерти вашего отца поставки сократились, мастера разошлись, долги...

— Почему поставки сократились? — спросила она.

— Горные общины отказались возить молоко без предоплаты.

— Почему им не платили?

— Не было дохода.

— Почему не было дохода, если раньше сыроварня работала?

Гесс открыл рот и закрыл. Корнелий смотрел на Весту уже не как на дыру в крыше. Скорее как на странный инструмент, который неизвестно откуда взялся на столе, но, возможно, может пригодиться.

— Потому что старые покупатели ушли, — сказал он вместо управляющего. — Сначала один договор не продлили. Потом второй. Потом караван с осенним сыром развернули на заставе из-за бумажной ошибки. Потом соль пришла мокрая, три партии пошли в убыток. Потом господин Гесс сказал, что Совет не даёт денег на закуп. Потом я сказал, что без закупа нечего делать. Потом мне перестали платить.

Марта, стоявшая у двери, добавила:

— А людям сказали, что Белый Камень сам виноват. Дескать, место дурное.

Рун кивнул слишком горячо и тут же замер, когда Гесс посмотрел на него.

Веста провела пальцами по краю ближайшего стола. Пыль легла на кожу серой полосой.

— Бумажная ошибка на заставе — в каком году?

Корнелий назвал дату.

Веста вспомнила книги. В этот же период в отчётах появились первые долги перед купцом Фарреном Долом и расходы на “юридическое сопровождение”. Слишком удобное совпадение.

— Документы по каравану есть? — спросила она.

— Были, — сказал Корнелий.

— Где?

Он посмотрел на Гесса.

— В кабинете.

Управляющий выпрямился.

— Все документы находятся в книгах учёта.

— Не все, — сказал Корнелий. — Я сам приносил накладные с заставы.

— Мастер Брук, вы могли ошибиться. В вашем возрасте...

— В моём возрасте я ещё помню, кто сколько украл, даже если этот кто-то пишет ровным почерком.

Рун втянул воздух. Марта шагнула к нему и незаметно толкнула локтем, чтобы молчал.

Гесс побелел.

— Это оскорбление.

— Это пока вопрос, — сказала Веста. — Оскорблением станет, если я найду ответ.

Она сама удивилась, как спокойно прозвучали эти слова. Возможно, потому что злость наконец получила работу. Не красивую сцену в Совете, не обмен уколами с Мальвой, а настоящую работу: разобраться, что произошло с хозяйством.

Корнелий неожиданно хмыкнул.

— Подвалы смотреть будете?

— Буду.

— Тогда осторожнее. Там холод правильный, но ступени скользкие.

Они прошли через боковую дверь, мимо пустых полок и старых корзин, к каменной лестнице вниз. Гесс явно хотел возразить, но Севар остановил его взглядом. Представитель Совета, кажется, тоже начал понимать, что быстро уехать не получится.

Лестница уходила под главный корпус. Воздух менялся с каждым шагом: становился плотнее, чище, глубже. Запах сырости исчезал, уступая место камню и ровному прохладному дыханию земли. Веста касалась стены ладонью. Камень был белым даже здесь, в полутьме, и не ледяным, как она ожидала, а сухим, с мягкой прохладой.

Внизу Корнелий зажжёт фонарь.

Свет раздвинул темноту, и Веста увидела подвалы.

Они были большими. Гораздо больше, чем можно было представить по полуразрушенному двору наверху. Сводчатые ходы, ряды каменных ниш, длинные полки, старые деревянные рамы для выдержки, широкие столы, по которым когда-то катили сырные круги. Пол был ровный, с едва заметным уклоном к желобу для воды. В дальнем конце виднелась закрытая дверь, обитая потемневшими полосами металла.

Здесь не было запустения.

Пыль — да. Паутина в углах. Пустота. Но не смерть.

Веста остановилась посреди зала, и по коже у неё пробежали мурашки. Не от страха. От ощущения, что место ждало. Долго, упрямо, молча. Не её, возможно. Но хозяйку.

— Здесь правильный холод, — сказал Корнелий.

Он произнёс это так, словно называл не температуру, а достоинство.

— Что значит правильный? — спросила Веста.

Мастер поднял фонарь выше.

— Не сырой. Не злой. Ровный. Сыр в таком холоде зреет без капризов, если руки не глупые. В других местах ледяные ямы роют, соломой перекладывают, молятся на погоду. А Белый Камень сам держит. Видите стены? Они дышат. Летом берут жар, зимой не пускают лишний мороз. Старые Ридды знали, где строить.

Веста провела ладонью по камню. Под пальцами словно прошёл едва заметный отклик — не звук, не движение, а ощущение, похожее на далёкую вибрацию. Она замерла.

— Что это?

Корнелий нахмурился.

— Что?

— Стена... гудит?

Марта, спустившаяся следом, перекрестила пальцы на переднике каким-то местным жестом. Рун, наоборот, сделал шаг ближе, вытянув шею.

Гесс рассмеялся.

— Сквозняк в ходах, леди Ридд. Проклятые скалы любят пугать новичков. Не стоит придавать значение.

Но Корнелий не рассмеялся. Он смотрел на стену. Потом на Весту. Потом снова на стену.

— Днём не гудит, — сказал он.

— А когда гудит?

— Когда снег идёт. Когда стада с гор спускаются. Когда старый источник под скалой просыпается. Или когда Белый Камень злится.

— Мастер Брук, — раздражённо сказал Гесс, — не забивайте леди голову местными сказками.

— Местные сказки пережили трёх управляющих, — ответил Корнелий. — И переживут четвёртого.

Веста убрала руку от стены. Гул исчез — или она перестала его чувствовать. Внутри стало беспокойно. Она не хотела сейчас думать о магии, родовых знаках и странных откликах. Ей хватало долгов, крыши, пустых полок и управляющего, который слишком нервничал при слове “документы”. Но Белый Камень явно не собирался быть просто зданием.

— Что за дверь там? — спросила она, указав на дальний конец подвала.

Корнелий не сразу ответил.

— Старый зал выдержки.

— Почему закрыт?

— Потому что ключ потерян.

Гесс тут же кивнул:

— Да, ещё при прежнем владельце. Помещение признано непригодным.

Севар, который всё это время держался у лестницы, вдруг открыл шкатулку.

— В описи Совета указаны три подвальных ключа. Один большой, два малых.

Веста повернулась к нему. Гесс тоже.

Представитель Совета достал связку. На ней висели железные ключи: два обычных, один длинный, с белой каменной вставкой в головке. Старый, тяжёлый, явно не от простого замка.

Корнелий смотрел на него так, будто увидел привидение.

— Потерян, значит, — сказала Веста.

Гесс вытер лоб платком.

— Я... не знал, что Совет сохранил эту связку. В описи кабинета её не было.

— Как много всего не было в ваших описях, господин Гесс.

Севар протянул ключ Весте.

Она взяла его и почувствовала, что каменная вставка тёплая. Не от его руки. Севар держал ключ за металлический край. Белый камень в головке согревал пальцы сам.

В подвале стало так тихо, что слышно было, как капля где-то далеко упала в желоб.

— Не сегодня, — сказал Корнелий.

Веста посмотрела на него.

— Почему?

Он сжал губы.

— Потому что вы только приехали. Потому что дом не принят. Потому что наверху люди ждут. Потому что, если старый зал откроется после стольких лет, лучше, чтобы рядом были те, кто знает, куда бежать, если камень начнёт осыпаться.

Разумная причина. Не страх, прикрытый суеверием, а осторожность человека, который уважает место.

Веста закрыла ладонь вокруг ключа.

— Хорошо. Сегодня — книги, крыша, люди и запасы. Старый зал завтра.

Гесс заметно выдохнул.

И этим окончательно убедил её, что завтра к этой двери нужно вернуться обязательно.

Когда они поднялись наверх, день уже клонился к серому вечеру. Двор выглядел ещё унылее, но Веста смотрела на него иначе. Теперь она знала, что под пустыми полками есть подвалы, которые держат холод. Что старые чаны можно очистить. Что мастер Брук не ушёл, хотя ему не платили. Что Марта всё ещё разводит огонь. Что Рун таскает воду и смотрит на Белый Камень не как на могилу, а как на место, где можно быть нужным.

Это было мало.

Но с малого и начинают, когда всё большое украли.

В кабинете она снова открыла книги. На этот раз не одна. Корнелий стоял у окна, Марта — у печи, Рун сел на краешек скамьи, готовый вскочить по первому слову. Севар устроился за столом с документами передачи. Гесс остался возле двери, как человек, который телом ещё здесь, а мыслями уже ищет удобную дорогу прочь.

— Господин Гесс, — сказала Веста, — сдайте наличность хозяйства.

— Наличность? — переспросил он.

— Деньги. Монеты. Остаток.

— В кассе почти ничего нет. Я указывал это в последнем отчёте.

— Почти — это сколько?

Он достал из внутреннего кармана маленький мешочек и положил на стол. Звук был жалким. Веста развязала шнур. Внутри лежали несколько серебряных монет и горсть меди.

Марта отвернулась к печи. Рун покраснел. Корнелий тихо выругался, но без слов, одним тяжёлым выдохом.

— Это всё? — спросила Веста.

— К сожалению.

— А плата за проданные остатки осенней партии?

— Она ушла на дорожную пошлину.

— Пошлина записана отдельно.

— На часть пошлины.

— Часть тоже записана.

Гесс посмотрел на Севара, словно ждал поддержки. Тот аккуратно поправил листы и ничего не сказал.

Веста достала из папки счёт, который читала в дороге.

— Здесь указана выплата за ремонт северного ската крыши. Трижды. На общую сумму, которой хватило бы не только перекрыть крышу, но и позолотить водостоки. Крыша, как я вижу, всё ещё просит помощи у неба. Где деньги?

— Работы были проведены частично.

— Кем?

— Артелью Ферна.

— Адрес?

— Они кочуют по округу.

— Документ о приёмке?

— Должен быть в папках.

— Найдите.

Гесс подошёл к шкафу, вынул одну папку, другую, третью. Бумаги зашуршали слишком долго. Его шея над воротником покрылась красными пятнами. Веста наблюдала молча. В прежней жизни она видела такие поиски: когда человек тянет время не потому, что документ далеко, а потому, что его нет.

— Возможно, остался в Совете, — сказал наконец управляющий.

— Господин Лонг?

Севар поднял взгляд.

— В переданных документах отдельного акта приёмки по северному скату я не видел.

— Понятно.

— Леди Ридд, — Гесс выпрямился, — я служил Белому Камню в труднейшие годы. Если некоторые бумаги утрачены, это не значит...

— Это значит, что я не подпишу вашу окончательную сдачу до проверки. Вы останетесь до утра.

Он уставился на неё.

— Я не могу. У меня распоряжение прибыть в округ...

— У вас распоряжение сдать хозяйство. Вы его ещё не сдали.

— Это произвол.

— Это порядок. С него мы и начнём.

Марта тихо поставила у печи кочергу. Звук получился короткий, твёрдый. Рун перестал сутулиться. Корнелий, не меняя позы у окна, смотрел на Гесса с мрачным удовольствием.

Севар Лонг потер переносицу.

— Формально леди Ридд права. Акт сдачи не завершён.

Гесс сжал губы так, что они стали тонкой белой полосой.

— Как пожелаете.

— Не как пожелаю, а как подписано, — сказала Веста. — Теперь запасы.

Запасы оказались почти насмешкой. В кладовой — два мешка муки, один мешок крупы, бочонок кислой капусты, связка сушёных яблок, три окорока под потолком, соль на доньшке сундука. В дровнике — меньше недели нормальной топки, если греть только кухню и кабинет. В сарае — сломанные сани, несколько бочек, старая упряжь. Скотный двор пустовал, за исключением двух коз, которые встретили новую хозяйку с таким видом, словно именно они здесь платят налоги.

— Горные стада? — спросила Веста.

Корнелий показал за северную стену.

— Не наши. Общинные. Рогатый Луг. У них козы, овцы и малые рогачи. Молоко густое, жирное. Лучше для твёрдых сыров не найти. Раньше они возили сюда каждое утро.

— А теперь?

— Теперь возят в Тирн. Дальше, зато платят сразу.

— Можно вернуть договор?

— Можно, если есть деньги, соль, чистые формы и слово, которому поверят.

— Денег почти нет.

— Я заметил.

— Соль купим в долг?

— Нам уже не дают в долг.

— Значит, найдём то, что можно предложить вместо денег.

Корнелий усмехнулся.

— Красивые речи?

— Работу. Честный расчёт. И, возможно, что-то из складов.

— В складах пусто.

— Пока я видела не всё.

Он посмотрел на неё с первым проблеском одобрения.

— Это верно.

К вечеру Веста чувствовала каждую косточку. Её ноги гудели, спина болела, голова стала тяжёлой от цифр, холода, запаха пыли и непрерывного напряжения. Но она не позволила себе уйти в комнату, пока не сделала три вещи.

Первое: распорядилась развести огонь в кухне и главном кабинете, чтобы люди могли согреться.

Второе: велела Марте приготовить общий ужин для всех, кто остался в Белом Камне, включая Севара и даже Гесса. Не из щедрости. Люди должны были увидеть, что новая хозяйка начинает не с речей, а с общего стола.

Третье: попросила принести метлу.

Рун прибежал с ней сам, запыхавшийся, с красными ушами.

— Госпожа, я сам подмету.

— Подметёшь, — сказала Веста. — Со мной.

Он растерялся.

— Вы?

— Я.

Марта, услышав это из кухни, выглянула в коридор.

— Госпожа, вам бы переодеться. Пыль вьётся.

— Значит, завтра найдём мне платье, которому пыль не повредит.

Корнелий стоял в дверях кабинета с кружкой горячего отвара из трав и корней — Марта поставила её всем, кто работал во дворе. Он смотрел, как Веста закатывает рукава, берёт метлу и начинает с угла под гербом Риддов.

— Долго не выдержит, — пробормотал Гесс, достаточно тихо, чтобы это выглядело случайностью, и достаточно громко, чтобы слышали.

Веста не подняла головы.

— Вы про пыль или про меня?

Рун прыснул, но тут же закашлялся. Марта громко стукнула крышкой котла. Корнелий сделал вид, что разглядывает кружку.

Гесс вышел.

Веста подметала медленно, тщательно, с той злостью, которая лучше любой силы двигала руки. С пола поднималась серая пыль, в ней находились перья, крошки, старые щепки, обрывок красной ленты, потемневшая пуговица. Рун сначала суеился, потом понял её ритм и начал сгребать мусор к двери. Марта принесла тряпки. Корнелий, поворчав, снял со стены герб Риддов и вынес во двор выбивать пыль.

К ужину прихожая выглядела иначе.

Не чистой. Нет. До чистоты ей было далеко. Но в ней стало видно пол. На столике больше не лежала треснувшая чашка. Герб вернулся на стену, и белый камень в круге колосьев проявился из серости.

Веста остановилась перед ним, держа метлу в одной руке. Плечи ныли, на щеке наверняка была пыльная полоса, волосы выбились из причёски. Но впервые за этот день ей показалось, что она сделала что-то настоящее.

Маленькое.

Своё.

Ужинали на кухне. За длинным столом, потёртым, с зарубками от ножей и следами горячих горшков. Марта поставила густую кашу, капусту, тонко нарезанный окорок и хлеб, который оказался черствее, чем хотелось бы, но пах домом. Севар ел аккуратно и с выражением человека, который не ожидал оказаться за одним столом с кухаркой, мастером, посыльным, управляющим и леди в пыльном платье. Гесс почти не притронулся к еде.

Веста ела. Не потому, что было вкусно, хотя после дороги даже простая каша казалась подарком. Она ела потому, что хозяйка, падающая от голода, — плохой знак для дома.

— Завтра, — сказала она, когда ложки стали двигаться медленнее, — я хочу увидеть всех, кто числится в работниках. Даже если они давно не получают жалованье. Даже если работают на полдня. Даже если считают, что уже ушли.

Марта кивнула.

— Позову Тильду. Она при козах у соседей теперь, но раньше у нас молоко принимала.

— Ещё?

— Старый плотник Ярен. Он ворота чинит, когда совесть просыпается.

— У него или у ворот?

Марта неожиданно улыбнулась.

— У обоих редко.

Рун осмелел.

— Есть ещё братья Лиссы. Они в северном сарае иногда ночуют, когда с дороги приходят. Сильные, только спорят всё время.

— Пусть приходят.

Корнелий отодвинул пустую миску.

— А я завтра в подвалы вас не поведу.

Веста посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что сначала крыша. Если снег пойдёт ночью, северный зал зальёт. Старый зал никуда не денется, а крыша может.

Это было разумно. Ей не понравилось откладывать тайну, но хозяйство не поднимали на любопытстве.

— Хорошо. Сначала крыша.

Гесс поднял голову.

— Леди Ридд, вы не можете распоряжаться ремонтом без средств.

— Я могу распоряжаться осмотром.

— Осмотр не даст денег.

— Зато покажет, куда они исчезли.

Он снова замолчал.

После ужина Севар всё-таки получил часть подписей, но не окончательный акт. Веста написала: «Имущество принято к первичному осмотру. Полная сдача после сверки книг, ключей, запасов и долговых обязательств». Писец Совета, если получит этот лист, наверняка поморщится. Тем лучше. Пусть знают, что Белый Камень не проглотили без жевания.

Гесса разместили в комнате на первом этаже — той самой, где, по словам Марты, раньше ночевали приезжие торговцы. Севар получил комнату напротив. Весте отвели хозяйскую спальню наверху.

Комната встретила её холодом и запахом закрытых сундуков. У окна стояла широкая кровать под выцветшим пологом, у стены — шкаф, зеркало с мутной поверхностью, у камина — кресло с продавленным сиденьем. На подоконнике лежала сухая ветка вереска. Кто-то оставил её давно, и она рассыпалась, когда Веста взяла её в руки.

Марта принесла таз с горячей водой и чистую рубашку.

— Лучше ничего не нашла, госпожа. Ваши сундуки ещё не привезли.

— У меня есть сундуки?

— Должны быть. Если Совет не забыл отправить.

Веста усмехнулась.

— Совет, похоже, многое забывает, когда ему удобно.

Марта промолчала, но глаза её потеплели.

— Вы сегодня не запирайтесь на старую задвижку, — сказала она уже у двери. — Заедает. Если что, зовите.

— Марта.

— Да?

— Спасибо.

Женщина смутилась так, будто благодарность была не положена по хозяйственному уставу.

— Спите, госпожа. Завтра Белый Камень покажет, какой он на самом деле.

Когда дверь закрылась, Веста осталась одна.

Она сняла платье с трудом, путаясь в застёжках, едва не ругаясь вслух. В прежней жизни она привыкла справляться сама, но местная одежда явно создавалась людьми, которые считали одиночество неприличным. Наконец ткань соскользнула на стул. Веста умылась, смывая пыль и усталость, переоделась в рубашку и подошла к зеркалу.

На неё смотрела чужая женщина.

Молодая. Бледная. С тёмными волосами, которые после долгого дня выбились из шпилек и лежали на плечах спутанными прядями. Глаза — серо-зелёные, больше, чем у Оксаны, с непривычным разрезом. Лицо тонкое, почти прозрачное от усталости. Не красавица Мальва, нет. Но в этом лице была порода, если стереть страх. И теперь страх медленно уступал место упрямству.

— Ну что, Веста Ридд, — сказала она отражению. — Будем знакомиться.

Собственный голос в пустой комнате прозвучал странно. Она больше ничего не добавила. Легла, натянула одеяло, потом второе, но сон долго не приходил.

Дом жил вокруг неё.

Сначала она слышала обычные звуки: как внизу Марта убирает посуду, как хлопает дверь Севара, как кто-то проходит по коридору, как в трубе стонет ветер. Потом всё стихло. Дрова в камине догорели, комната остыла, темнота стала плотнее.

И тогда Веста услышала гул.

Он пришёл снизу.

Не громкий. Не похожий на скрип балок или ветер в щелях. Низкий, ровный, глубокий, словно под домом кто-то провёл ладонью по огромной каменной струне. Звук шёл через пол, через ножки кровати, через стены. Веста открыла глаза.

Гул повторился.

На этот раз вместе с ним где-то в глубине дома откликнулось тихое постукивание. Будто капли падали не в воду, а на камень. Раз. Раз. Раз.

Веста села.

Холод сразу забрался под рубашку. Она нащупала плащ, накинула его на плечи, сунула ноги в ботинки и замерла у двери. Можно было позвать Марту. Можно было дожидаться утра. Можно было вспомнить, что умные люди не ходят ночью по чужому полуразрушенному дому.

Но умные люди также не оставляют непонятный звук без внимания в первый день управления.

Она взяла подсвечник. Свеча зажглась не сразу; фитиль чадил, потом дал маленький неровный огонёк. Веста приоткрыла дверь. Коридор был пуст. Половицы под ногами скрипнули, но дом не проснулся. Внизу, в темноте лестницы, снова дрогнул гул.

Он звал не словами.

И всё же звал.

Веста спустилась осторожно, держась за стену. На первом этаже было холодно. Из кухни тянуло угольным запахом погасшей печи. Дверь комнаты Гесса была закрыта. Из-за двери Севара доносилось ровное дыхание. Или очень умелая его имитация.

Она прошла к главному корпусу через внутренний переход. Днём она не заметила, что такая дверь вообще есть: низкая, обитая железом, с засовом, который поддался после усилия. За ней оказался короткий каменный коридор, ведущий к сыроварне. Здесь пахло пылью и старым деревом. Свеча дрожала, вытягивая тени в длинные фигуры.

Гул усилился у лестницы в подвалы.

Веста остановилась наверху.

— Отлично, — прошептала она. — Первый день, а ты уже лезешь туда, куда мастер велел не ходить.

Ответом стал новый звук. Теперь не только гул. Шорох. Словно по камню провели тканью.

Она вспомнила тёплый ключ с белой вставкой. Он лежал в кармане плаща. Веста сама не заметила, как забрала его с собой после ужина. Пальцы сомкнулись на металле. Каменная головка снова была тёплой.

Ступени вели вниз, в темноту. Свеча освещала только ближайшие пять. Веста сделала шаг. Потом второй. Камень под подошвой был холодный, но не скользкий. Дом будто держал её, не позволяя оступиться.

В подвале гул стал ощутимым. Он вибрировал в воздухе, в зубах, в груди. Дальняя дверь старого зала выдержки темнела в конце прохода. Но звук шёл не от неё.

Он шёл от стены слева.

Той самой, к которой Веста прикасалась днём.

Свеча дрогнула, когда она подошла ближе. На белой поверхности камня проступали линии. Сначала Веста решила, что это тени от огня. Потом поняла: нет. Линии светились

изнутри слабым молочным сиянием, вырастая одна из другой, складываясь в круг, колосья и белый камень.

Герб Риддов.

Тот самый знак, который, по словам Совета, давно утратил силу.

Веста стояла перед стеной, забыв дышать. Свет медленно расползлся по камню, как если бы кто-то под другой стороной вёл невидимым пером. Круг замкнулся. Колосья поднялись. В центре вспыхнула маленькая точка — не яркая, но живая, упрямая.

Из темноты за её спиной раздался хриплый голос Корнелия Брука:

— Ну вот, хозяйка. Белый Камень вас услышал.

Глава 3. Первый сыр

Корнелий стоял у нижней ступени, укутанный в старый овчинный жилет, с фонарём в руке и таким лицом, словно застал Весту не за ночной прогулкой, а за разговором с покойником.

Свет на стене дрогнул.

Веста обернулась к нему не сразу. Она всё ещё смотрела на знак Риддов, проступивший в белом камне: круг, колосья и сердцевину, похожую на зерно или маленькую звезду, спрятанную в глубине скалы. Молочное сияние не било в глаза, не расплзалось по подвалу чудом из сказки. Оно держалось ровно, упрямо, как уголь под пеплом, который кажется потухшим, пока не раздуешь.

— Что это значит? — спросила она.

Голос вышел ниже обычного. Веста почувствовала, что пальцы сжимают ключ так крепко, будто металл мог объяснить больше, чем старый мастер.

Корнелий поднял фонарь, но ближе не подошёл. Свет от пламени лёг поверх белого знака, и на миг Весте показалось, что герб дышит: колосья едва заметно шевельнулись, затем снова стали камнем.

— Значит, дом признал хозяйку, — ответил мастер.

— Дом? — Веста заставила себя выдохнуть. — Вы говорите так, как будто это живое существо.

— Я говорю так, как говорили до меня. Не всё, что живёт, ходит на ногах и просит кашу.

Он сказал это без насмешки, почти сурово. Веста повернулась к стене. Под пальцами, когда она снова коснулась камня, прошла тёплая волна. Не жар, не удар, а ровное спокойствие, от которого внутри неожиданно стало тише. Страх не исчез, но будто отступил на шаг, давая рассмотреть то, что было перед ней.

В её прежнем мире дома не признавали хозяев. Дома требовали платежей, ремонта, отопления, терпения соседей и бесконечных квитанций. Максимум, что могло ответить помещение, — протечкой, скрипом трубы или запахом сырости из-под пола. Но здесь, внизу, под старой сыроварней, камень откликнулся на её руку. На её? На руку Весты Ридд? На кровь? На подпись? На решение не уходить?

— Почему раньше знак не проявлялся? — спросила она.

Корнелий провёл ладонью по бороде. Пальцы у него были тёмные от старой работы, с грубой кожей на костяшках.

— Проявлялся, когда отец ваш был жив. Не всякий день. По делу. Перед большой партией, перед снегом, когда стада с гор опаздывали. Потом затих. После смерти лорда Ридда старый камень будто обиделся или уснул. Управляющие ходили сюда с ключами, с бумагами, с печатями, а стены молчали.

— А прежняя Веста? — Веста произнесла это осторожно. — Она приходила сюда?

Корнелий посмотрел на неё так, что внутри неприятно сжалось. Он слышал в вопросе что-то неверное. Не мог не услышать.

— Приходила девчонкой. С отцом. Потом её забрали в столицу. А когда стала невестой Орстейна, сюда уже не ездила. Не положено, говорили. Не место будущей леди драконьего дома нюхать сырные подвалы.

В последней фразе было столько сухой злости, что Веста представила маленькую девочку с яблоком, отца, белую скалу, а потом — столицу, платья, уроки покорности и письма, на которые Бран не отвечал. Прежнюю Весту не просто лишили хозяйства. Её отучали от него постепенно, вежливо, под видом заботы о будущем.

— Значит, Белый Камень ждал её, — сказала она.

— Может, её. Может, любую Ридд, которая вспомнит, что она Ридд.

Эти слова легли тяжело. Веста не была Ридд по крови — или была, пока жила в этом теле? Вопрос, от которого можно было сойти с ума, если позволить ему разрастись. Она не знала законов перехода душ и не имела роскоши долго разбираться, кто именно стоит сейчас в подвале. Но она знала другое: прежняя Веста не ушла пустотой. В её теле остались память, привычки, боль, шрамы, подпись. И, возможно, дом.

— Кто ещё видел знак? — спросила Веста.

— Из живых? Я. Марта, один раз, лет двенадцать назад. Старый пастух из Рогатого Луга, да тот уже в землю ушёл. Ваш отец. И вы.

— Гесс?

Корнелий фыркнул.

— Если бы Гесс увидел, он бы написал отчёт на три страницы и выставил счёт за освещение подвала.

Веста почти улыбнулась, но улыбка не успела оформиться. Сверху, со стороны перехода, донёлся приглушённый скрип. Оба замерли.

Корнелий резко прикрыл фонарь ладонью, оставив лишь узкую полоску света. Веста погасила свечу пальцами через край плаща, едва не обожглась, но удержалась от возгласа. Подвал погрузился в густую полутьму; сияющий герб на стене сразу стал заметнее.

— Кто-то идёт? — прошептала она.

— Нет, — так же тихо ответил мастер. — Дверь наверху проверили.

— Гесс?

Корнелий вслушался. В тишине слышалось только далёкое дыхание скалы и редкие капли в желобе. Потом сверху хрустнуло ещё раз, будто доска приняла чей-то вес, но шагов не последовало.

— Может быть, Гесс. Может быть, Севар. Может, ветер. Здесь дом старый, он любит проверять, у кого сердце слабое.

— У него сегодня богатый выбор.

Корнелий посмотрел на неё, и в темноте его глаза блеснули. На этот раз в них мелькнуло не только недоверие.

— Пойдёмте наверх, хозяйка. Знак увидели, и хватит на первую ночь. Старые стены не любят, когда у них спрашивают всё сразу.

— А старый зал выдержки?

— До утра простоит.

— Вы уверены?

— Если простоял столько лет при Гессе, одну ночь при вас выдержит.

Веста ещё раз коснулась знака. Сияние под пальцами не усилилось, но словно запомнило прикосновение. Ей вдруг пришла в голову странная мысль: Белый Камень не требовал клятв. Он просто показал, что проснулся.

На верхней ступени Корнелий остановился.

— Никому пока не говорите.

— О знаке?

— О том, что видели. Марта сама догадается, если надо. Руну расскажешь — он к утру весь двор разнесёт, не со зла, а от того, что у него язык быстрее головы. Гессу нельзя. Севару тоже не надо. Совет любит считать чужие чудеса своим имуществом.

Веста запомнила эту фразу.

— А если знак связан с правом управления?

— Связан. Поэтому и молчите.

Наверху было темно, но после подвала обычная темнота казалась почти простой. Веста дошла до своей комнаты без приключений, хотя теперь каждый скрип в доме звучал иначе.

Не пугающе — предупреждающе. В коридоре пахло холодной золой, старым деревом и сном. Двери Севара и Гесса были закрыты. Но когда Веста проходила мимо комнаты управляющего, ей показалось, что за дверью кто-то стоит.

Не ходит. Не шуршит. Просто стоит и слушает.

Она не остановилась. Не ускорилась. Дошла до своей комнаты, закрыла дверь и только тогда позволила себе прижаться лбом к дереву.

Первый день в Белом Камне закончился тем, что родовой знак вспыхнул на стене, бывший управляющий, возможно, подслушивал за дверью, старый мастер называл её хозяйкой, а в кармане у неё лежал ключ, который согревал ладонь даже через ткань.

Оксана Климова, привыкшая считать, что главная магия в жизни — это вовремя закрытый отчёт и оплаченный счёт, села на край кровати и почти беззвучно рассмеялась.

Смех вышел усталым, коротким, дрожащим. Потом так же быстро оборвался.

Утром надо было начинать сыроварню.

И это, как ни странно, пугало сильнее светящегося герба.

До рассвета Веста спала плохо.

Ей снились не драконы и не Совет, а полки. Бесконечные пустые полки в подвалах Белого Камня. Она шла вдоль них с фонарём, а на каждой лежал не сыр, а бумажный лист: долг за соль, долг за древесную золу, долг за молоко, долг за труд, долг за веру. Потом листы начинали шуршать, складывались в белые птицы и улетали в тёмную дверь старого зала выдержки. За дверью кто-то смеялся голосом Мальвы Тейн.

Проснулась она от стука.

Не громкого, деликатного, но настойчивого. Три удара, пауза, ещё два.

— Госпожа? — голос Марты за дверью был бодрее, чем полагалось в такую рань. — Вы живы?

Веста открыла глаза и несколько секунд вспоминала, где потолок, где она, почему в комнате так холодно и почему вопрос “живы?” звучит здесь не как шутка, а как практическое уточнение.

— Жива, — ответила она, садясь. — Входите.

Марта просунула голову, окинула комнату быстрым взглядом и только потом вошла с тазом горячей воды. От воды поднимался пар, и это показалось Весте роскошью почти неприличной.

— Мастер Брук сказал, что вы ночью ходили.

— Мастер Брук много говорит для человека, который велел молчать.

— Он мне не говорил, — Марта поставила таз на столик и поджала губы. — Он утром принес на кухню два полена вместо одного и сказал варить кашу гуще. Это у него значит, что в доме что-то случилось и день будет тяжёлый.

— Удобный язык.

— Привыкнете.

Марта открыла шкаф и достала платье. Не дорожное, не столичное — простое тёмно-зелёное, из плотной шерсти, с передником и узкими рукавами, которые можно было закатать. На локтях ткань была аккуратно заштопана, но чистая.

— Нашла в сундуке прежней хозяйки. Не ваше, старое. Перешить бы, да некогда. Для двора сгодится.

Веста провела ладонью по ткани. После вчерашних тяжёлых складок и свадебной белизны это платье показалось ей честным.

— Прекрасно.

— Прекрасным оно станет, если не смотреть на подол.

— Сегодня подол будет смотреть на грязь, а не на гостей.

Марта фыркнула и развернулась к окну, давая ей переодеться. За стеклом серело утро. Снег за ночь не пошёл, но на дворе лежал жёсткий иней; крыши сараев побелели, как посыпанные солью. У главного корпуса уже двигались люди: Рун тащил ведро, Корнелий стоял возле ворот с каким-то кривым железом в руках, у стены виднелась широкоплечая фигура в овчинном тулупе — незнакомая.

— Кто пришёл? — спросила Веста.

— Тильда, — ответила Марта. — Молоко раньше принимала. Сейчас у Рогатого Луга работает, но я послала Руна ещё до света. Пришла ругаться.

— Почему ругаться?

— Потому что её позвали в Белый Камень.

Веста завязала пояс.

— Разумно.

— И братья Лиссы у ворот. Тоже ругаться. Они всегда начинают с этого, даже если пришли за кашей.

— Тогда начнём день с общего раздражения. Оно хотя бы объединяет.

Марта посмотрела на неё через плечо. В её взгляде снова было то осторожное тепло, которое не называлось доверием, но уже не было равнодушием.

— Каша на кухне. Гесс просил подать ему отдельно.

— Почему?

— Сказал, что представитель прежнего управления не обязан сидеть с работниками.

Веста застегнула последнюю пуговицу.

— Передайте господину Гессу, что в Белом Камне отдельно подают только тем, кто отдельно работает. Он сегодня будет есть со всеми.

Марта довольно поправила передник.

— Так и подумала.

— Вы уже передали?

— Нет. Но кашу ему отдельно не отложила.

Кухня встретила Весту паром, запахом крупы, дымком и гулом голосов, которые стихли не сразу. Это было хорошо: люди ещё не привыкли замирать при её появлении. За длинным столом сидели Рун, две широкие фигуры братьев Лиссов — рыжий и темноволосый, оба с руками, созданными для брёвен, не для ложек, — и женщина с коротко обрезанными серыми волосами под тёмным платком. У неё было крупное лицо, обветренные щёки, крепкая шея и спокойные глаза человека, который привык иметь дело с животными больше, чем с господами.

Тильда.

Корнелий стоял у печи, держа кружку обеими руками. Севар Лонг сидел у края стола, бледный и помятый после ночи. Гесс пришёл последним, в застёгнутом сером кафтане и с выражением человека, оскорблённого самой идеей утра.

Веста не села во главе стола. Там, судя по отполированной доске, когда-то сидели хозяева. Она заняла место сбоку, ближе к Марте, и взяла миску с кашей сама.

Это заметили.

Тильда подняла бровь. Один из Лиссов ткнул второго локтем. Гесс застыл у двери.

— Садитесь, господин Гесс, — сказала Веста. — День длинный. Голодные люди хуже считают и тяжелее носят доски.

— Я не ношу доски.

— Пока да.

Рун уронил ложку. Марта, проходя мимо, сунула ему новую с таким видом, будто всё происходящее совершенно обычно.

Гесс сел. Очень прямо.

— Прежде чем вы решите продолжить вчерашний произвол, леди Ридд, я хотел бы напомнить, что мои обязанности здесь почти завершены.

— Напомните после завтрака.

— Но...

— После.

Она сказала это без повышения голоса, но в кухне стало тише. Веста почувствовала, как её собственная уверенность держится на тонком стержне. Если стержень треснет, она сама не знала, что делать с этими людьми, с их ожиданием, с деньгами, которых нет. Но внешне нужно было начинать с порядка. Не с диктатуры, не с красивых речей. С простого: все едят, потом работают, потом говорят.

Каша была густой, с кусочками сушёных яблок. Веста успела проглотить несколько ложек, прежде чем Тильда поставила свою миску на стол.

— Зачем звали?

Голос у неё был низкий, без поклона и без вызова. Человек пришёл узнать цену своего времени.

— Хочу вернуть молоко в Белый Камень, — сказала Веста.

Братья Лиссы обменялись взглядами. Корнелий хмыкнул в кружку. Тильда смотрела так, словно услышала просьбу принести скалу в переднике.

— Денег нет, — сказала она.

— Знаю.

— Соль закончилась.

— Знаю.

— Формы пустые, чаны грязные, крыша дырявая.

— И это знаю.

— Тогда зачем молоко?

— Чтобы сделать сыр.

На этот раз рассмеялся темноволосый Лисс. Не зло, скорее от неожиданности. Рыжий толкнул его плечом, но сам ухмыльнулся.

Тильда не смеялась.

— Из чего?

— Из молока Рогатого Луга. Малую партию. Не для столицы, не для Совета, не для знати. Для деревни, для работников, для тех, кто ещё помнит вкус Белого Камня и не верит словам в отчётах.

Корнелий поставил кружку.

— Без старых рецептов не выйдет.

— Почему?

— Потому что Белый Камень славился выдержанными кругами, а не свежей деревенской лепёшкой.

— Сколько нужно ждать выдержанный круг?

— От месяца до трёх, если по-честному. Хорошие — дольше.

— У нас есть месяц?

— Нет.

— Значит, начнём с того, что можно продать быстрее.

Корнелий нахмурился так, будто она предложила вырезать герб Риддов из стены.

— Быстрый сыр — это базарная ерунда.

— Плохой быстрый сыр — ерунда. Хороший быстрый сыр — первый шаг.

— Первый шаг к позору.

— Позор я уже пережила вчера. Не впечатлил.

Рун опустил голову над миской, но плечи у него дрогнули. Марта ударила его полотенцем по затылку — не больно, почти ласково.

Корнелий подошёл к столу и упёрся в него ладонями.

— Сыроварня — не лавка с пирогами, госпожа. Здесь нельзя взять молоко, покрутить ложкой и получить славу.

— Я славу сегодня не заказываю. Мне нужен продукт, который люди попробуют и скажут: Белый Камень не сгнил окончательно.

— Люди скажут, что новая хозяйка кормит их тем, что не годится для господ.

— А мы не будем кормить господ. Не сейчас. Мы накормим тех, кто завтра может принести доску, починить ворота, дать молоко в долг или хотя бы перестать плевать у нашей стены.

Тильда скрестила руки на груди.

— Нашей?

Веста поймала это слово. Хорошо. Пусть заметила.

— Моей по документам. Вашей по труду, если вы останетесь. Я не буду врать, что завтра всем заплачу. Денег в кассе почти нет. Но я могу предложить честную запись долга, еду на время работы, часть первой продажи и открытую книгу учёта. Каждый будет видеть, кто что сделал и что ему должны.

— Открытую книгу? — переспросил рыжий Лисс.

— Да.

Гесс вмешался, не выдержав:

— Это невозможно. Хозяйственные книги не предназначены для глаз работников.

Веста повернулась к нему.

— Поэтому работники два года не знали, куда исчезают их деньги.

— Вы делаете опасные выводы.

— Я делаю временные выводы. Опасными они станут после проверки.

Тильда постучала пальцами по столу. Ногти у неё были короткие, крепкие, с белыми полосками от работы.

— У Рогатого Луга молоко уже расписано.

— Всё?

— Почти всё.

Веста услышала это “почти” так ясно, словно Тильда положила на стол монету.

— Сколько можно получить сегодня?

— Сегодня? — женщина фыркнула. — Вы бы ещё вчера попросили.

— Вчера я была занята тем, что меня списывали.

На кухне повисла тишина. Даже Гесс перестал шевелиться. Веста не собиралась говорить это так прямо, но слова вышли сами и, как ни странно, не ослабили её. Люди здесь знали слухи. Лучше было самой назвать событие, чем позволить ему гнить за спиной.

Тильда отвела взгляд первой.

— Утреннее уже увезли в Тирн. После полудня будет второе, от малых рогачей. Небольшое. Жирное. Обычно идёт на масло и мягкий сыр для общины.

— Сколько?

— Две бочки, если старшина согласится. Но без оплаты он не отдаст.

— Что ему нужно кроме денег?

— Соль. Ремонт их нижнего загона до снега. И чтобы его не обманули в третий раз.

Корнелий посмотрел на Весту.

— Нижний загон чинить нечем. Досок мало.

Рыжий Лисс откашлялся.

— Есть доски в старом навесе. Кривые, но для загона пойдут.

Темноволосый добавил:

— И жерди за северной стеной. Если их не украли.

— Мы не крали, — быстро сказал Рун.

— Я не про тебя, мелкий.

— Я не мелкий.

— А кто?

— Рун, — вмешалась Веста, — после завтрака проверите жерди с Лиссами. Составите список, что можно отдать на загон без ущерба для крыши.

Рун выпрямился так, словно ему поручили охранять казну.

— Да, госпожа.

— Тильда, вы можете привести старшину Рогатого Луга сюда?

— Зачем ему идти к вам?

— Чтобы увидеть книги, подвалы и то, что мы не прячем пустую кассу за красивыми словами.

— Он не любит красивые слова.

— Тогда нам будет проще.

Тильда долго смотрела на неё. Потом встала.

— Я схожу. Но если он придёт, а вы начнёте говорить как столичная госпожа, я уйду вместе с ним.

— Договорились.

— И ещё, — Тильда кивнула на Корнелия. — Если мастер Брук скажет, что из вашего быстрого сыра выйдет дрянь, я молоко не дам даже под расписку.

Корнелий буркнул:

— Я ещё не сказал, что выйдет дрянь.

— Ты лицом сказал.

— У меня лицо такое.

Веста впервые за утро почувствовала, что кухня не просто слушает её. Она начинает дышать вокруг общего дела. Осторожно, недоверчиво, с ворчанием — но дышать.

После завтрака Белый Камень пришёл в движение.

Не красиво, не дружно, не так, как в историях, где одна вдохновляющая речь превращает руины в праздник труда. Всё было куда честнее. Лиссы спорили из-за каждой доски, Рун дважды ронял связку жердей, Марта ругалась на дымящую печь, Корнелий ворчал над чанами так, будто каждый медный бок был личным оскорблением. Гесс ходил за Вестой с лицом мученика и пытался вставлять замечания о процедурах, пока она не вручила ему пачку счетов и не попросила переписать все суммы по датам.

— Это работа писца, — сказал он.

— Вы управляли хозяйством. Значит, знаете цифры лучше писца.

— Я не обязан...

— Вы обязаны сдать дела. Начинайте с верхнего листа.

Севар Лонг устроился в кабинете, наблюдая за происходящим с всё более сложным выражением. Веста не понимала, на чьей он стороне. Возможно, ни на чьей, кроме собственной службы. Но он хотя бы не мешал и дважды, когда Гесс пытался уйти от ответа, сухо подтверждал, что запрос новой хозяйки входит в рамки передачи управления.

К полудню главный зал сыроварни уже не напоминал мёртвое горло пустого дома. Пол подмели и вымыли горячей водой с золой. Медь чанов начала проявляться из-под тусклой плёнки. Рун принёс из кладовой остатки чистой ткани, Марта тут же забраковала половину и забрала вторую половину кипятить. Корнелий перебрал формы, отбрасывая испорченные так яростно, словно казнил предателей.

— Эту можно спасти, — сказала Веста, поднимая деревянную форму с трещиной сбоку.

— Если хотите, чтобы сыр вытекал на пол, спасайте.

— А если стянуть?

— Чем?

— Металлической полосой. Или сыромятным ремнём. Временно.

Корнелий забрал форму, повертел, провёл большим пальцем по трещине.

— Временно, — сказал он так, словно слово было грязным.

— У нас сейчас всё временно.

— Вот это и плохо.

— Нет. Плохо, когда временное выдают за постоянное. А мы честно знаем, что оно временное.

Мастер посмотрел на неё исподлобья.

— Вы много спорите для человека, который сыра в жизни не варил.

Веста могла бы соврать. Сказать, что помнит рецепты, что её учили, что хозяйка Ридд всё знает. Но ложь здесь быстро всплыла бы комками в молоке.

— Варила не сыр, — сказала она. — Но знаю, как поднимать дело, которому перестали верить. Сначала не идеал. Сначала понятный результат, который можно повторить. Потом улучшение. Потом доверие.

Корнелий молчал дольше, чем обычно.

— Понятный результат, — повторил он. — Хорошо. Тогда слушайте. Если Тильда принесёт молоко малых рогачей, сделаем молодой сыр с горячим зерном. Не тот, что раньше шёл в подвалы, а простой. Плотный. Соль нужна.

— Соли мало.

— Значит, будет мало сыра.

— Сколько получится из двух бочек?

Он прикинул в уме.

— Если молоко хорошее, если не испортим, если форма выдержит, если камень не запризничает... на двадцать малых кругов. Может, двадцать два.

— Двадцать два звучит лучше.

— Я сказал “может”.

— Я услышала.

Он недовольно сдвинул брови, но Веста заметила, что руки у него стали двигаться быстрее. Не суетливо — с азартом, который мастер пытался скрыть под ворчанием. Он доставал ножи для сырного зерна, проверял прессы, нюхал чистую ткань, стучал костяшками по чанам. Пустая сыроварня отвечала на эти звуки. Металл звенел, дерево поскрипывало, вода плескалась в ведрах. Воздух наполнился паром, золой, старой древесиной и ожиданием.

После полудня пришёл старшина Рогатого Луга.

Он оказался невысоким, коренастым мужчиной с лицом, будто вырезанным из бурого камня, и с седой косой, перетянутой кожаным шнуром. Звали его Морт Лугарь. Вместе с ним пришла Тильда и двое молодых пастухов, кативших на санях две закрытые бочки. У ворот Морт остановился, окинул двор взглядом и сказал:

— Я пришёл не из уважения. Из любопытства.

— Уважение дороже, — ответила Веста. — Его лучше не брать вперёд.

Морт хмыкнул. Тильда посмотрела на Весту уже не так сурово.

В кабинете Веста разложила перед старшиной книги. Не все — только те, что касались Рогатого Луга: старые договоры, просрочки, отметки о поставках, долги. Морт слушал, не перебивая, но его тяжёлые пальцы двигались по столу, когда она называла суммы.

— Я не обещаю выплатить всё сразу, — сказала Веста. — Это была бы ложь. Но я признаю долг и готова подписать новый график. Первое: ремонт нижнего загона силами Белого Камня в течение трёх дней. Второе: часть соли, когда мы получим первую продажу. Третье: открытая запись всех поставок. Ваш человек может сверять книги раз в неделю.

Гесс, стоявший у шкафа, издал звук, похожий на подавленное возмущение.

Морт перевёл на него взгляд.

— Этот тоже будет писать?

— Нет, — сказала Веста. — Этот сдаёт дела.

Гесс вспыхнул.

Старшина снова посмотрел на неё.

— А если вы не продадите первый сыр?

— Тогда долг останется, а ваша община заберёт отремонтированный загон и не потеряет больше двух бочек молока.

— Молоко — тоже деньги.

— Да.

— Вы уверены, что Брук ещё умеет?

Из сыроварни донёлся рёв Корнелия:

— Лучше, чем ты считать чужое молоко, Морт!

Старшина впервые улыбнулся. Улыбка была короткая, с кривым зубом.

— Умеет, значит.

— Приходите посмотреть, — предложила Веста.

— Я посмотрю. И если испортите, сам скажу всем у дороги, что Белый Камень окончательно сдох.

— Справедливо.

— А если не испортите, — Морт постучал пальцем по договору, — я скажу, что он шевельнулся. До “ожил” вам ещё далеко.

— На сегодня мне хватит “шевельнулся”.

Он подписал. Не сразу. Сначала прочитал каждую строку, заставил Весту переписать фразу о сроках ремонта проще, потребовал вписать имена Лиссов как ответственных за доски, а Руна — как свидетеля передачи. Рун от гордости едва не уронил чернильницу.

Когда бочки вкатили в главный зал, Корнелий преобразился.

Веста стояла у входа и смотрела, как он снимает крышку, окунает деревянный ковш, оценивает густоту, запах, цвет. Тильда стояла рядом, сложив руки, и следила за ним как за судьёй. Морт, Марта, Рун, Лиссы, даже Севар — все почему-то собрались вокруг.

Молоко было тёплым, с густым сливочным оттенком, пахло горной травой, дымом от пастушьих очагов и чем-то ореховым. Веста раньше не думала, что молоко может пахнуть местом, откуда пришло.

— Хорошее, — сказал Корнелий.

Тильда подняла подбородок.

— А ты думал, я плохое привезу?

— Я думал, ты из вредности разбавишь.

— Я вредная, не бесчестная.

— Бывает, люди путают.

— Люди — да. Я — нет.

Веста слушала их обмен репликами и вдруг поняла, что это тоже часть хозяйства. Не только чаны, долги и подписи. Старые связи, привычные споры, уважение, спрятанное под колючками. Белый Камень был разрушен, но нити вокруг него не все порвались. Некоторые просто ждали, когда их поднимут из грязи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.